

А. ЛЕОНТЬЕВ

„ЗАКОН ТРУДОВЫХ ЗАТРАТ“

(К АНАЛИЗУ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ КОРНЕЙ ПРАВОГО УКЛОНА)

**ГОСИЗДАТ
РСФСР
МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ**

**МОСКОВСКИЙ
РАБОЧИЙ**
1929

А ЛЕОНТЬЕВ

„ЗАКОН ТРУДОВЫХ ЗАТРАТ“

(К АНАЛИЗУ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ
КОРНЕЙ ПРАВОГО УКЛОНА)

ГОСИЗДАТ РСФСР
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“
МОСКВА — 1929

Отпечатано
в 7-й типографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф.
Москва, Арбат, Филипповск., 13
З. Т. 63. Тираж 25 000.
Мосгублит 55.930.

Стат-формат Б. 6 — 125×176 мм.

О Т А В Т О Р А

Настоящая работа представляет собою попытку более или менее развернутого критического разбора теории «закона трудовых затрат». Вначале мы даем изложение разбираемой концепции, затем переходим к методологической критике этой теории с точки зрения основных принципов метода Маркса и Ленина — материалистической диалектики. Далее мы даем краткую оценку политических выводов, с неизбежностью вытекающих из разбираемой теории, если придерживаться ее принципов с логической последовательностью до конца. Наконец, в заключение дается небольшой обзор «литературы вопроса». Оговариваемся с самого начала, что вследствие широкого распространения данной теории до самого последнего времени нам пришлось в этом литературном обзоре, на ряду с разбором выступлений представителей так называемой «бухаринской школы», коснуться также произведений ряда авторов, в политическом отношении выступающих достаточно решительными противниками правого уклона. Эту часть критики, разумеется, ни в коем случае не следует понимать как «пришивание правого уклона».

Настоящая работа в основных чертах написана весной с. г. и напечатана с небольшими сокращениями в журнале «Социалист. хоз.», № 5 за 1929 г.

Дело серьезного изучения основных проблем переходного хозяйства подвигается у нас вперед довольно медленным темпом. Как это всегда бывает, практика и в этом отношении ушла далеко вперед по сравнению с теорией. Богатейший опыт социалистического хозяйственного строительства до сих пор далеко недостаточно систематизируется, обобщается, объективируется в научном исследовании. Это исследование окажется, однако, лишь тогда плодотворным, когда оно будет базироваться на правильных методологических предпосылках. Поэтому необходимо чрезвычайно внимательно относиться ко всем теоретическим построениям, которые должны занять место общеметодологической базы при изучении переходной экономики. Одной из попыток этого рода следует считать своеобразную концепцию «закона трудовых затрат», довольно широко распространившуюся в нашей экономической литературе в течение последних лет. Не претендуя на роль историка этой концепции, заметим лишь, что основные вехи этой теории были впервые сформулированы покойным А. А. Богдановым и некоторыми другими экономистами в дискуссии по докладу Е. А. Преображенского о законе ценности в советском хозяйстве, имевшей место в Коммунистической академии в январе 1926 г.¹ В бо-

¹ См. „Вестник Коммунистической академии“, № 15. 1926 г. стр. 155—255.

лее разработанном и связном виде теория «закона трудовых затрат» была изложена в том же 1926 г. т. Бухариным в его статьях против Е. А. Преображенского¹. С тех пор концепция закона трудовых затрат на много ладов излагалась и популяризовалась рядом экономистов, значительная часть которых принадлежит и так называемой бухаринской школе².

В период профсоюзной дискуссии 1921 г. Ленин писал: «К числу многочисленных ценнейших качеств т. Бухарина принадлежит его теоретическая способность интерес к тому, чтобы доискиваться теоретических корней во всяком вопросе. Это очень ценное качество, ибо нельзя вполне уяснить себе никакой ошибки, в том числе и политической, если не доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных, сознательно принимаемых им, положений»³. Как известно, Ленин находил теоретическую основу политических ошибок т. Бухарина в непонимании им марксистской диалектики. «Теоретическая сущность той ошибки, которую здесь делает т. Бухарин, — писал Ленин, — состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяет эклектизмом». И Ленин с чрезвычайной четкостью разбирал теоретические корни бухаринских ошибок, подроб-

¹ См. „К вопросу о закономерностях переходного периода“, изд. „Московский рабочий“, М.—Л. 1928 г.

² См. А. Айхенвальд, Советская экономика, М. ГИЗ; А. Нармалитов, две статьи: в дискуссионном отделе „Большевика“, № 23—24 за 1927 г. и № 10 за 1928 г.; Н. Бутаев, две статьи в диск. отд. „Большевика“, №№ 8 и 9 за 1928 г. и др., см. также М. Брудный, статья в дискусс. отд. „Большевика“, № 11 за 1928 г. и две коллективные статьи в № 13—14 „Большевика“, 1929 г.

³ Ленин, т. XVIII, ч. I, стр. 57.

но рассматривая вопрос о соотношении между политикой и экономикой. Более того: как раз в этой связи Ленин дал свой непревзойденный по глубине и ясности образец понимания диалектической логики по сравнению с логикой формальной, используя для этого бухаринский пример со стаканом, пример, которым т. Бухарин рассчитывал посрамить своих противников.

В настоящее время, когда т. Бухарин выступает вождем и идеологом правого оппортунистического уклона, совершенно необходимо и обязательно последовать совету Ленина и попытаться доискаться теоретических корней ошибки у того, кто ее делает, исходя из определенных сознательно принимаемых им положений. Нужна чрезмерная политическая наивность, чтобы полагать, что нынешние ошибки т. Бухарина являются чем-то совершенно случайным. Наоборот, именно то ценное качество т. Бухарина, о котором говорил Ленин, обуславливает теснейшую связь между политической линией т. Бухарина и его теоретическими конструкциями. Бухаринская теория закона трудовых затрат является, на наш взгляд, неотъемлемой частью и общетеоретической базой того понимания советской экономики и протекающих в ней процессов, на котором построены современные политические выводы т. Бухарина и руководимой им школы молодых экономистов, выступающих теоретическими оруженосцами и политическими пропагандистами правого оппортунистического уклона.

В настоящей книжке мы пытаемся дать более или менее подробный критический анализ бухаринской теории закона трудовых затрат, лежащей в основе всей концепции советского хозяйства, из которой исходит современный правый оппортунизм.

Для обоснования интересующей нас концепции обычно приводится весьма известная цитата из письма Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г. Ввиду той исключительно важной роли, которую это письмо играет при построении концепции «закона трудовых затрат», приводим соответствующее рассуждение Маркса полностью. Оно гласит:

«Что касается Centralbatt, то автор статьи в этом журнале делает мне невозможную большую уступку, допуская, что если вообще придавать какому-нибудь смысл понятию стоимости, то неизбежно приходится соглашаться с моими выводами. Несчастный не видит, что если бы в моей книге вовсе не было главы о «стоимости», то анализ реальных отношений, который я даю, содержал бы в себе данные и доказательства действительных отношений стоимости. Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости покоится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным потребностям масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собою, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут

быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов».

На основании, главным образом, этой чрезвычайно интересной цитаты рядом экономистов выдвигается своеобразная концепция «закона трудовых затрат». Основные черты этой концепции в том виде, как она изложена т. Бухариным в его статьях о закономерностях переходного периода, могут быть схематически представлены в следующем виде.

То, что Маркс называет «необходимостью разделения общественного труда в определенных пропорциях», или «пропорциональным разделением труда», предлагается назвать «законом пропорциональных трудовых затрат», или, для краткости — «законом трудовых затрат». Этот закон трудовых затрат есть необходимое условие общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях. Он может иметь разные «формы проявления». В товарно-капиталистическом обществе он надевает на себя фетишистский костюм закона ценности. В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат — и только, ибо «сущность» ценности как исторической категории состоит в ее фетишистском характере. Но так же мало можно отвлекаться от «надисторического» (т. е. свойственного всякому обществу в более или менее «нормальных» условиях):

материально-трудового «смысла» этой категории. Закон трудовых затрат — голеный или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни в самых различных общественно-экономических формациях.

Отсюда делается вывод, что закон ценности не может перерасти ни во что иное, как в закон трудовых затрат. Этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Стало быть, речь может идти лишь о смене его (этого закона) общественной формы. Процесс победы социалистического, планового начала есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т. е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора.

Таким образом, материальное содержание закона остается неизменным, меняется лишь его общественная форма. Закон трудовых затрат представляет собою, несмотря на смену своей формы проявления, один и тот же по своему материальному содержанию регулятор.

Возникает, однако, вопрос: каким образом этот неизменный по своему материальному существу регулятор приводит в разных общественных структурах к самым разнообразным явлениям в области хозяйственной жизни и различным пропорциям между отраслями производства, к различным соотношениям, к различным темпам хозяйственного развития?

В каждом обществе производство есть способ удовлетворения потребностей. Совокупное рабочее время распределяется между отдельными произ-

водствами, в целом удовлетворяющими — худо ли, хорошо ли — эти потребности. В организованных обществах это выражается в хозяйственном плане. В товарном хозяйстве действует закон ценности. Ответ на поставленный выше вопрос сводится к следующему: механизм, опосредствующий действие закона трудовых затрат (или закона ценности, как исторической формы этого всеобщего закона), решает дело. А закон остается все же единственным регулятором на всех стадиях развития.

2

К этим положениям, изложенным нами в несколько конспективной форме, сводится в своих основных чертах интересующая нас концепция «закона трудовых затрат». Повторяющие эту концепцию молодые экономисты бухаринской школы не вносят в нее ничего принципиально нового. Одни из них лишь ученически воспроизводят построения т. Бухарина, другие пытаются внести элемент самостоятельности в разработку отдельных деталей, оставляя в нетронутом виде фундамент этого теоретического здания. Естественно поэтому, что необходимо прежде всего критически разобраться в данной теории в том виде, как она сконструирована т. Бухариным. Тем самым, в сущности, дается ответ и всем тем экономистам, которые в данном вопросе следуют за т. Бухариным.

Если к этой концепции подойти сколько-нибудь критически, возникают прежде всего некоторые сомнения чисто формального характера. В письме к своему ганноверскому другу-гинекологу Маркс, как без сомнения заметил внимательный читатель, направляет свои замечания по адресу лиц, о которых

он отзывается с величайшим презрением: это — «полнейшие невежды», «болтуны», «несчастные», непонимающие самых элементарных вещей. И Маркс сообщает этим «несчастливым» такие вещи, относительно которых он утверждает, что их знает «всякий ребенок». Первый законный вопрос, который в этой связи возникает, заключается в следующем: неужели ключ к полному пониманию сложнейших проблем переходной экономики Маркс дал как раз в тех своих замечаниях, которые адресованы исключительно невеждам и содержание которых, по словам Маркса, должно быть известно всякому ребенку? Несомненно, как во времена Маркса, так в наше время немало есть экономистов, которые не знают того, что должно быть известно всякому ребенку. Однако резонно ли на этом основании сознательно ограничивать истинами подобного рода дело познания сложнейшей конкретности переходного хозяйства?

Другой вопрос, носящий вначале также формальный характер, заключается в следующем. В своем письме Маркс совершенно ясно говорит о «законах природы». В данном контексте Маркс понимает под «законом природы» «необходимость пропорционального распределения общественного труда». Эта необходимость, как и необходимость труда вообще, является для общества внешней, и в этом смысле она может быть названа «законом природы». Как бы то ни было, необходимо признать, что отсюда довольно далеко до «закона трудовых затрат», который оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни в самых различных общественно-экономических формациях.

После этих предварительных замечаний несколько формального характера перейдем к рассмотре-

нию вопроса по существу. Маркс в своем письме говорит о необходимости пропорционального распределения общественного труда, отвлекаясь до поры до времени от определенности формы общественного производства. Таким образом, та необходимость, о которой говорит Маркс, представляет собою категорию абстрактного порядка. Не трудно заметить, что эта категория абстракции довольно высокого порядка. Ведь мы здесь отвлекаемся не от каких-либо отдельных моментов или сторон общественной формы производства, а от самой этой формы вообще. Таким образом, мы имеем основание полагать, что отмечаемая Марксом необходимость пропорционального распределения общественного труда представляет собою в известном смысле простейшую, предельную абстракцию.

Отсюда вытекает первое возражение, которое напрашивается в отношении теории закона трудовых затрат. Эта теория, на наш взгляд, не может быть примирена с диалектическим методом Маркса, обусловливающим определенное соотношение абстрактных и конкретных понятий.

Маркс дал классическую по ясности и глубине трактовку этого вопроса в своем «Введении к критике политической экономии». Напомним ход мыслей Маркса в его основных чертах. В параграфе, носящем характерный подзаголовок: «Производство вообще», Маркс заявляет с первых же строк: «Предмет исследования — это прежде всего материальное производство». Некоторые «марксисты», которые дальше этой первой фразы не пошли или ничего из дальнейшего не поняли, делают «остроумную» попытку противопоставить это утверждение Маркса традиционному марксистскому опреде-

лению предмета политической экономии, гласящему, что последняя изучает производственные отношения товарно-капиталистического общества в их возникновении, развитии и гибели. Как же так, — восклицают эти новоявленные «материалисты»: — Маркс заявляет, что предмет исследования — материальное производство, а вы говорите — производственные отношения?! Такие «критические» упражнения, сопровождаемые притом неистовыми криками насчет «выхолащивания», «идеализма» и перечислением всех семи смертных грехов, свидетельствуют лишь о — сознательной или бессознательной — попытке подмены марковского метода диалектического материализма вульгарно-механистическим подходом. В этом не остается ни малейшего сомнения, если дать себе труд понять учение Маркса о конкретном и абстрактном.

Итак, предмет исследования — это прежде всего материальное производство. Однако, если речь идет о производстве, то всегда о производстве на определенной ступени развития. Если не существует производства вообще, то не существует также общего производства. Производство всегда представляет собою ту или иную особую отрасль производства. В реальной действительности производство выступает, таким образом, как конкретность со своими всесторонними богатыми определениями.

Законно ли в таком случае абстрагировать от каких-либо из этих определений? Маркс отвечает утвердительно на этот вопрос. Всем эпохам (и можно также прибавить — всем отраслям производства) свойственны некоторые общие признаки определения. Производство в общем — это абстракция, но абстракция, имеющая смысл, поскольку она действительно выдвигает общее и фиксирует его. Это

общее и сходное, выделенное путем сравнения, само является многократно расчлененным и содержит в себе различные определения. Одни относятся ко всем эпохам, другие — общи лишь некоторым.

Какой смысл имеет формулирование абстрактного понятия производства вообще? Маркс отвечает на этот вопрос с исключительной ясностью: «Определения, которые приложимы к производству вообще, должны быть проанализированы, чтобы существенные различия не были забыты ввиду единства, которое обусловлено уже тем, что как субъект — человечество, так и объект — природа существуют на всех ступенях» (подчеркнуто нами.—А. Л.). Итак, самый анализ абстрактного понятия должен предохранить нас от забвения всего конкретного своеобразия реальной действительности. И Маркс с особой силой обрушивается на экономистов, «доказывающих вечность и гармонию существующих социальных отношений» тем, что «они забывают об этих различиях, доказывая, например, что никакое производство невозможно без орудий производства, хотя бы этим орудием была только рука, и что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда, хотя бы этот труд представлял собою всего лишь шнуровку, которую рука дикаря приобрела и накопила путем повторяющихся упражнений». Ту же в сущности мысль Маркс повторяет и в отношении понятия «распределения»: «какие бы различные формы ни принимало распределение на различных ступенях общественного развития, о нем, так же как и о производстве, могут быть высказаны общие положения, и все исторические различия опять-таки могут быть слиты и погашены в общечеловеческих законах». Как тут не вспомнить о

«необходимости пропорционального распределения общественного труда», которую Маркс назвал «законом природы» и которая превращена некоторыми экономистами в «закон трудовых затрат», рассматриваемый как «всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия».

И свое исследование вопроса о «производстве вообще» великий диалектик резюмирует следующим образом: «Имеются определения, общие всем ступеням производства, которые как общие фиксируются мышлением; однако все так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства» (последние слова подчеркнуты нами.— А. Л.).

Теперь читателю должно быть ясно, почему Маркс формулировал свою мысль о «необходимости пропорционального распределения общественного труда» не как научное открытие, а, наоборот, как истину, которую не знают лишь болтуны и невежды. Совершенно очевидно, что это свое положение Маркс рассматривал именно как «абстрактный момент», о котором приходится напоминать людям, ничего не знающим, но с помощью которого в то же время нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства.

Это должно быть ясно всякому, кто знаком с особенностями диалектического метода Маркса. «Конечно,— писал Маркс,— много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем наоборот — из данных отношений реальной жизни вывести соответствующую

щие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, научный метод»¹.

Тот же вопрос о соотношении между абстрактным и конкретным освещается Марксом с несколько иной стороны в третьем разделе того же «Введения», озаглавленном «Метод политической экономии». Казалось бы,—говорит Маркс,—что при экономическом анализе какой-либо страны следует начинать с конкретного целого: с населения, ввоза и вывоза, цен на товары и т. д. Но при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население—это абстракция, если мы упускаем из виду классы, из которых оно состоит. Но и понятие класса — пустой звук, если мы не имеем представления о наемном труде, капитале и т. п. Поэтому, начав с населения, мы бы дали лишь хаотическое представление о конкретном целом; лишь путем дальнейшего анализа мы бы могли выделить все более простые понятия, пока мы не достигли бы простейших определений, некоторых абстрактных общих отношений, вроде ценности, разделения труда, капитала и т. д. И Маркс здесь повторяет ту же мысль, которую мы уже встретили в вышеприведенной цитате из «Капитала»: «Как только эти отдельные моменты были более или менее абстрагированы и зафиксированы, экономические системы начали восходить от простейшего, как труд, разделение труда, потребность, меновая ценность,—к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод, очевидно, является правильным в научном отношении» (подчеркнуто нами.—А. Л.).

¹ „Капитал“, т. I, стр. 363, прим. 96. Подчеркнуто нами.—А. Л.

Мы видим, таким образом, что основной особенностью марксова метода является не механическое сведение качественно различных явлений к однообразной серой абстракции всеобщих и универсальных законов (это умели делать и до него), а выведение из простейших абстракций всего многообразия реальной действительности во всей ее специфичности.

Почему Маркс не устает повторять, что метод восхождения от абстрактного к конкретному является основным, единственно правильным научным методом, по отношению к которому аналитическое выделение общих понятий служит лишь предпосылкой? По той простой причине, что Маркс исходит из чрезвычайно ясного диалектико-материалистического представления о самой природе абстрактных понятий, общих определений. «Простейшая экономическая категория,— говорит Маркс,— например, меновая ценность, предполагает население, производящее в определенных условиях, а также определенные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может существовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого» (подчеркнуто нами.— А. Л.)

Далее Маркс прямо ставит вопрос: не имеют ли эти простейшие категории независимого исторического или естественного существования раньше более конкретных? Маркс указывает, что простейшие категории выражают собою условия, в которых может реализоваться не развившаяся конкретность, в то время как развившаяся конкретность сохраняет простейшую категорию как подчиненное отношение. На примере такой простейшей аб-

стракции, как категория труда, Маркс чрезвычайно ясно показывает эти свои положения. И свою характеристику простейших абстракций Маркс заключает следующим положением: «Этот пример труда убедительно доказывает, что даже самые простейшие категории, несмотря на то, что именно благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются не в меньшей мере продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их».

3

Мы считали не лишним напомнить читателю некоторые основные черты марксова метода политической экономии, ибо полагаем, что теперь яснее предстанут те сомнения, которые не может не вызвать интересующая нас концепция «закона трудовых затрат».

Совершенно очевидно, что для Маркса, когда он говорит о своей теории ценности, естественная необходимость пропорционального распределения общественного труда представляет собою лишь простейшую абстракцию. Но мы уже знаем, что абстрактные категории являются продуктом исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и внутри их, несмотря на то, что благодаря их отвлеченности они применимы ко всем эпохам. Возникает законный вопрос: соответствует ли этому принципу марксова метода концепция «закона трудовых затрат»?

Выше мы уже видели, что концепция эта заключается в том, что естественная необходимость пропорционального распределения общественного тру-

да рассматривается как особый «закон трудовых затрат». Этот закон трудовых затрат объявляется необходимым условием общественного равновесия при всех и всяческих общественно-исторических формациях. Этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Закон трудовых затрат оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни в самых различных общественно-экономических формациях.

Уже эти положения интересующей нас концепции не могут не вызывать сомнения с точки зрения марксистской методологии. Как известно, диалектика не питает особенных симпатий ко всеобщим и универсальным законам, одинаково пригодным при самых различных, при всех и всяческих общественно-исторических формациях. Мастера марксистской диалектики до сих пор обычно употребляли подобные слова лишь в порядке ядовитой иронии, лишь издеваясь над своими противниками, чуждыми диалектики (Маркс по адресу Прудона, Энгельс по адресу Дюринга, Ленин и Плеханов по адресу своих многочисленных противников, в том числе и по адресу покойного Богданова).

С этим непосредственно связан другой вопрос, который также разрешается интересующей нас концепцией едва ли достаточно удовлетворительно. Мы имеем в виду вопрос относительно формы и содержания.

Закон трудовых затрат провозглашается всеобщим и универсальным законом хозяйственного равновесия. Отсюда делается вывод, что речь может идти лишь о смене общественной формы этого закона. Материально-трудовой смысл этой категории объявляется «надисторическим». Материальное

содержание закона трудовых затрат остается неизменным, меняется лишь его общественная форма с точки зрения разбираемой нами концепции. Закон трудовых затрат представляет собою, несмотря на смену своей формы проявления, один и тот же по своему материальному содержанию регулятор.

Подобного рода рассуждения едва ли могут быть приведены в полное соответствие с обычным для марксистов-диалектиков пониманием взаимосвязи между формой и содержанием. Прежде всего следует вспомнить, что марксизм не знает бессодержательной формы, равно как и бесформенного содержания. Но этого мало. Марксизм исходит из признания диалектической взаимосвязи и взаимодействия между формой и содержанием. Марксизм не признает безразличия формы к содержанию и наоборот. Отсюда совершенно ясно, насколько условными, чтобы не сказать больше, являются все аналогии, которые представляют форму в виде белья, костюмов и прочих принадлежностей туалета, меняющихся на теле, так сказать, неизменного содержания. Вместо аналогии с бельем, костюмом и даже кожей марксисты обычно предпочитали цитировать известные слова Гете: «Нет ничего чисто-внешнего и чисто-внутреннего, потому что во вне проявляется то, что есть внутри»¹.

Сторонники разбираемой нами концепции «закон трудовых затрат» местами сами чувствуют, что с обязательным и универсальным одним и тем

¹ Зато, наоборот, „механисты считают, что мир явлений многоцветен, многокачественен, а „сущность“ вещей — это бескачественные, „простые“, чисто количественные отношения. Явление и сущность, внешнее и внутреннее **разрываются на два абсолютных мира**“. См. **А. Столяров**, Субъективизм механистов и проблема качества, стр. 109.

же по своему материальному содержанию регулятором, неизменным по своему материальному содержанию законом — получается не совсем обычная картина. Этот вечно самому себе равный закон явно противоречит общеизвестным фактам хозяйственного развития. Ставится вопрос: каким образом этот неизменный по своему материальному содержанию регулятор приводит в разных общественных структурах к самым различным последствиям? Ответ на этот вопрос гласит: механизм, опосредствующий действие закона трудовых затрат, решает дело.

Внимательный читатель легко заметит, что подобное рассуждение является до известной степени «поправкой», и притом несколько неожиданной, к концепции закона трудовых затрат. Но, как всегда в подобных случаях бывает, поправка не только не решает дела, но даже не исправляет его сколько-нибудь существенно. Уже давно замечено, что недостаточное внимание к диалектике, берущей предмет во всех его внутренних противоречиях, жестоко мстит за себя в виде далеко не диалектических внутренних противоречий, которые неминуемо проникают в данное теоретическое построение.

В данном случае такое отнюдь не диалектическое противоречие заметить не трудно. В самом деле, одно из двух: либо действительно опосредствующий механизм решает дело, либо неизменное материально-трудовое содержание нашего универсального и всеобщего регулятора. Диалектика мстит, если теоретик слишком поздно вспоминает о необходимости исследовать предмет во всех его богатых определениях, во всех его связях и опосредствованиях. Еще Плеханов замечал, что человек,

который на вопрос о месте своего рождения отвечает: «в разных губерниях», не может считаться представителем действительной диалектики.

Итак, то представление о форме и содержании, на котором базируется концепция «закона трудовых затрат», также вызывает сомнение: нет ли здесь известного забвения специфики различных общественно-исторических формаций, достаточно ли учитываются качественные различия между ними, которые отнюдь нельзя без остатка свести к количественным различиям.

4

Наконец, наибольшие сомнения вызывает та часть интересующей нас концепции, которая касается специально переходной экономики. Не трудно сообразить, что это как раз центральный пункт разбираемой нами концепции, ее гвоздь. Все остальное является, в сущности, не более как общетеоретическим введением к этой части, касающейся экономики переходного типа. Центральная мысль данной концепции заключается, как мы видели, в том, что свойственный товарно-капиталистическому хозяйству закон ценности не может перерасти не во что иное, как в закон простых трудовых затрат, и что иное «перерастание» является вопиющей чепухой. Процесс дефетишизации основного общественного регулятора понимается как процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат. Этот закон, который остается единственным регулятором на всех стадиях развития, раньше действовал в фетишистском костюме ценности, а в переходном хозяйстве он постепенно от этого костюма освобождается с тем, чтобы при социа-

лизме продолжать свое существование в совершенно голом виде.

Таково центральное положение всей концепции относительно закона трудовых затрат. Возникающие в связи с этим сомнения сводятся к следующему.

Мы уже видели, что естественная необходимость пропорционального распределения общественного труда, окрещенная ныне «законом трудовых затрат», является у Маркса простейшей абстрактной категорией, наиболее общим понятием. Но «общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы» ¹.

Мы видели выше, как Маркс относится к понятию «производства вообще», «распределения вообще» и т. д. Легко себе представить, как бы Маркс реагировал на утверждение, будто товарно-капиталистическое производство может перерасти только в «производство вообще» и что всякое иное перерастание есть вопиющая чепуха. Или скажем, что наемный труд капиталистического хозяйства может перерасти лишь в простейшую абстракцию труда вообще. Совершенно очевидно, что с точки зрения диалектического материализма товарно-капиталистическое производство «перерастает» в социалистическое производство, равно как наемный труд капиталистического общества «перерастает» в труд ассоциированных производителей, характерный для социализма. Гипостазирование общих понятий совершенно чуждо марксизму. По совер-

¹ Ленин, К вопросу о диалектике. „Под знаменем марксизма“. № 5—6 за 1925 г., стр. 16.

шенно недвусмысленному замечанию Маркса простейшие категории не имеют самостоятельного существования, независимо от категорий более конкретных.

Перерастание закона ценности не во что иное, как в закон трудовых затрат, представляется не совсем логичным даже с точки зрения самой концепции закона трудовых затрат. Ведь согласно этой концепции закон трудовых затрат представляет собою материальное содержание, материально-трудовой смысл закона ценности. Каким образом может закон ценности перерастать... в свое собственное материальное содержание? Может ли это материальное содержание остаться бесформенным? Ответ, как мы уже видели, гласит: закон ценности сбрасывает свое греховное белье, закон трудовых затрат начинает щеголять голеньким; иными словами, содержание остается бесформенным. Мы, однако, до сих пор полагали, что развитие общественных форм кое-чем отличается от танца покрывал, в конце которого перед глазами зрителей остается голая красавица. Общественные законы, установленные марксизмом, ни в каком родстве не состоят с бедным Петером Шлемилем, потерявшим свою собственную тень.

Бесспорный факт, что общественные производственные отношения, подернутые при товарно-капиталистическом строе дымкой товарного фетишизма, становятся прозрачными в хозяйстве социалистическом. В этом смысле в марксистской литературе обычно говорится, что процесс дефетишизации производственных отношений, наступающий после крушения капитализма, постепенно обнажает производственные отношения людей от той фетишистской завесы, от той оболочки

вещных отношений, за которой они скрыты при капитализме. Совершенно несомненно, что при переходе от капитализма к социализму совершается коренная ломка формы людских отношений: производственные отношения теряют свою фетишистскую оболочку, становятся прозрачными, в этом смысле «обнажаются». Но эта смена формы представляет собою результат коренной ломки содержания людских производственных отношений. Это отнюдь не означает, разумеется, что переход от капитализма к социализму приводит к «отолению» прежнего, старого материального содержания общественных отношений, теряющего свое фетишистское белое и выступающего голеньким перед глазами изумленной публики. Это не означает, стало быть, что фетишистический закон ценности перерастает в «закон трудовых затрат», под которым подразумевается не что иное, как неизменное материальное содержание закона цен-

В этом месте читатель может нам задать вопрос: во что же в таком же случае перерастает закон ценности при переходе от капитализма к социализму? Мы, грешным делом, полагаем, что нет решительно никакой надобности в какой-либо мере «углублять», «дополнять» или «исправлять» ту постановку и решение этого вопроса, которые даны классиками марксизма. Основоположники научного коммунизма не раз заявляли с достаточной ясностью и определенностью, что переход от капитализма к социализму связан с «перерастанием» (вернее было бы сказать — заменой) стихийно-рыночных законов товарно-капиталистического хозяйства, основу которых составляет закон ценности, в сознательно-планомерный способ общественного управления производством.

«Овладев всеми средствами производства,—писал Энгельс,—чтобы общественно-планово распоряжаться ими, общество должно уничтожить господствовавшее до сих пор порабощение людей их собственными средствами производства»¹. В другом месте того же «Анти-Дюринга» мы читаем: «Когда с современными производительными силами станут обращаться сообразно с их узнанной, наконец, природой, общественная анархия в производстве заменится общественным производством, организованным по плану, рассчитанному на удовлетворение потребностей как целого общества, так и каждого его члена»².

Длительный процесс замены стихии плановым началом — вот что характеризует переходный период. Благодарнейшей задачей науки о переходном хозяйстве является исследование всех сложнейших процессов, связанных с этой постепенной заменой, происходящей не в безвоздушном пространстве, а в чрезвычайно определенных условиях переходного общества с его специфической классовой структурой, со свойственными ему формами и условиями классовой борьбы и классового сотрудничества. Но даже при самой общей формулировке совершенно ясно, что замена стихии планом безусловно кое-чем отличается от «перерастания» закона ценности в «закон трудовых затрат», являющийся в свою очередь неизменным материальным содержанием того же закона ценности.

Нет ли здесь, однако, спора о словах?—спросит иной читатель. Не все ли, мол, равно, как сказать: замена стихийного закона ценности плановым на-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Гиз, 1928 г., стр. 279.

² Там же, стр. 205.

чалом или перерастание закона ценности в закон трудовых затрат? Мы полагаем, что это далеко не безразлично.

5

Критический разбор центрального пункта всей концепции, а именно положения о перерастании закона ценности в закон трудовых затрат в переходном хозяйстве, — приводит нас вплотную к кардинальному пороку всей теоретической конструкции «закона трудовых затрат». Маркс упоминает о естественной необходимости пропорционального распределения общественного труда; с точки зрения марксизма, однако, совершенно ясно, что само это распределение общественного труда в определенных пропорциях представляет собою процесс, который не только по своей форме (тем более по своей форме проявления), но и по своему материальному содержанию чрезвычайно различен при различных общественно-исторических формациях. В этом не трудно убедиться, если дать себе труд подумать, что, собственно, следует понимать под распределением общественного труда в определенных пропорциях. Пропорциональное распределение общественного труда включает в себя в качестве компонентов целый ряд элементов, природа которых в корне различна при различных общественно-исторических формациях. Для целей наглядности назовем лишь наиболее яркие из этих элементов. Совершенно очевидно, например, что с точки зрения пропорционального распределения общественного труда вовсе не безразлично классовое строение общества. Какое количество членов общества исключается из пропорциональ-

ного распределения труда — в качестве ли бездельников-тунеядцев из господствующих классов, или в качестве вынужденных «отдыхать» безработных в капиталистическом хозяйстве — все это как будто не может считаться безразличным для осуществления пропорционального распределения труда в обществе. Не может считаться безразличным и другая сторона, связанная с классовой структурой общества: то количество труда, которое общество получает от каждого из своих членов. Абсолютно ясно, что это количество будет одним в патриархальном обществе, другим — при строе самостоятельных городских ремесленников, третьим — в царстве капиталистической эксплуатации, где рабочего гнетет «костлявая рука голода», четвертым — в социалистической коммуне будущего.

Но не только изменчивое классовое строение общества не остается «равнодушным» к материальному содержанию процесса пропорционального распределения труда. Чтобы не вдаваться в излишние подробности, достаточно назвать такой «изменчивый» фактор, как состояние материальных производительных сил, состояние техники. Разве не очевидно, что при различном уровне развития общественной техники, при различных пропорциях между живым и мертвым трудом, при различных соотношениях между двумя основными подразделениями (выражаясь в терминах марксовых схем воспроизводства), — материальное содержание процесса пропорционального распределения общественного труда будет чрезвычайно различным. Смешно, например, ставить вопрос о соотношениях между производством средств производства и производством средств потребления применительно к общественному хозяйству дикарей, у которых

камни и палки исчерпывают весь нехитрый арсенал средств производства. Однако этот же вопрос отнюдь не смешно ставить в отношении современного хозяйства, базирующегося на гигантски-сложных агломератах разнообразных средств производства. Помимо проблемы пропорционального распределения живого человеческого труда общества на определенной исторической ступени развития встает тесно связанная с предыдущей проблема распределения труда накопленного, материально-технических элементов производственного процесса. Эти проблемы в исторически-данном классовом обществе теснейшим образом сплетаются с явлениями классовых отношений, антагонизмов, борьбы.

Всю эту сложную многогранную реальность исторической действительности концепция «закона трудовых затрат» обескровливает в пустой и тощей абстракции. Суть проблемы представляется в следующем, до чрезвычайности упрощенном виде. В каждом, мол, обществе производство есть способ удовлетворения потребностей. Совокупное рабочее время распределяется между отдельными производствами, в целом удовлетворяющими — худо ли, хорошо ли — эти потребности. В организованных обществах это выражается в хозяйственном плане, в товарном же хозяйстве эта проблема решается путем действия закона ценности. На этом основании делается вывод, что закон трудовых затрат является всеобщим и универсальным законом хозяйственного равновесия, пригодным для всех эпох, для всех времен и всех народов. Меняется лишь форма проявления этого закона, его опосредствующий механизм, материальное же содержание, материально-трудовой смысл закона остается неизменным.

Прежде всего совершенно ясно, что проблема хозяйственного равновесия не только в отношении формы проявления этого равновесия, но и в смысле материального содержания этой проблемы отнюдь не исчерпывается такой пустой, бессодержательной и выхолощенной постановкой. Мы уже видели выше, как Маркс издевался над экономистами, доказывающими, что никакое производство невозможно без орудий производства и что никакое производство невозможно без предшествующего накопленного труда. Легко себе представить, как отнесся бы Маркс к «открытию», что в каждом обществе производство есть способ удовлетворения потребностей. Применимо ли это утверждение, скажем, к рабовладельческому обществу, в котором непосредственный производитель превращен в «говорящее орудие» и его потребности удовлетворяются на ряду, скажем, с «потребностями» скота? Можно ли в этом отношении поставить на одну доску капиталистическое производство для наживы, производство патриархальной общины и социалистического общества будущего? Не будет ли это попыткой объединить под одними и теми же законами (материальное содержание коих объявляется неизменным) экономику современной Англии и Огненной земли, попыткой, к которой так неодобрительно относились классики марксизма?

Можно ли ограничиться утверждением, что в каждом обществе совокупное рабочее время распределяется между отдельными производствами, в целом удовлетворяющими потребности общества? Не будет ли это безжизненно-абстрактной постановкой вопроса, если тут же не заметить, что само материальное содержание этого пропорционального распреде-

ления труда целиком и полностью зависит от исторически данных условий общественного производства? Выше мы уже видели, что самая масса потребностей общества находится под сильнейшим влиянием классовой структуры общества, что та же классовая структура определяет в значительной степени размеры того совокупного рабочего времени, которое реально в обществе затрачивается. Разве допустимо отрывать проблему хозяйственного равновесия от законов движения общества, от конкретных условий общественно-экономических формаций и, прежде всего, от классовой структуры общества, устанавливая при этом всеобщие и универсальные законы этого равновесия с неизменным материальным содержанием?

«Понятие общества, чтобы оно хоть что-либо означало, должно быть конкретным. Абстрактные определения общества — «только подсовывание под понятие общества либо буржуазных идей английского торговца, либо меланхолическо-социалистических идеалов российского демократа — и ничего больше» (Ленин). В социальной методологии конкретные определения общества являются первым шагом; абстракция, пустая и тощая, вроде «совокупности людей», реальной, длительной, какой угодно, в этом пункте есть уже ошибка, и связать такое определение логической нитью с остальными категориями исторического материализма — безнадежное дело. Такое абстрактное определение общества гармонирует, однако, с построением исторического материализма, как социологии»¹.

¹ И. Луппол, Ленин и философия. М. Гиз, стр. 160—161.

Итак, общий вывод, к которому приводит теоретическое рассмотрение концепции о законе трудовых затрат, заключается в следующем. Под **законом** трудовых затрат можно понимать, в сущности говоря, одно из двух: либо самый факт необходимости пропорционального распределения трудовых затрат общества на любой ступени его развития, либо определенный и неизменный способ (неизменный не по своей форме, а, скажем, по своему материальному содержанию) пропорционального распределения трудовых затрат.

Не трудно заметить, что именно в первом смысле говорится о «необходимости разделения общественного труда в определенных пропорциях» в цитируемом обычно письме Маркса к Кугельману. Здесь совершенно явно имеется в виду самый факт необходимости пропорционального разделения труда. Эта необходимость является своего рода законом природы. Нельзя себе представить, что если в современном обществе труд распределяется пропорционально, то в будущем обществе он будет распределяться диспропорционально. Точно так же, как нельзя себе представить, что если в современном обществе основой общественной связи является труд, производительная деятельность общественного человека, то в будущем обществе основой общественных отношений станет, скажем, игра на флейте.

Именно в этом смысле Маркс в своем письме к Энгельсу от 8 января 1868 г., посвященном критике Дюринга, писал следующее: **«Ни одна общественная форма не может помешать тому, чтобы рабочее время, находящееся в распоряжении общества, тем**

или иным путем не регулировало производства. Но пока это регулирование происходит не через прямой, сознательный контроль общества над его рабочим временем (это возможно только при общей собственности), а через движение цен товаров, то все остается в том виде, как ты вполне удачно изложил еще в «Немецко-французских ежегодниках»¹.

Стало быть, при **любой** общественной форме находящейся в распоряжении общества рабочее время тем или иным путем регулирует производство. Совершенно очевидно, что Маркс подчеркивал этот момент прежде всего в противовес утверждениям буржуазных экономистов, выдвигающих в качестве регуляторов производства при различных общественных формациях самые разнообразные и весьма многочисленные «факторы»: полезность, производительность, насилие и пр. Общественный труд, находящейся в распоряжении общества рабочее время остается регулирующим производство моментом. Мы полагаем, что самая решительная борьба против концепции «закона трудовых затрат» не должна вести к забвению этого простого обстоятельства, совершенно элементарного с точки зрения марксизма. Между тем в настоящее время, когда критика теории закона трудовых затрат еще только начинается, уже имеются попытки взять под сомнение это безусловно правильное положение, которое некоторыми экономистами изображается как одна из версий закона трудовых затрат.

Эти попытки чрезвычайно характерны для механистического способа мышления, которое к любому вопросу подходит с застывшим «или — или». Это

¹ Письма Маркса и Энгельса, „Московский рабочий“, М. 1929 г., стр. 180.

обстоятельство только лишний раз показывает, что бороться против теории закона трудовых затрат при помощи механистического оружия нельзя. Напротив, такие попытки могут лишь повредить интересам борьбы. При различных общественных формах рабочее время регулирует производство **тем или иным путем** — говорит Маркс. В этом-то **все дело**.

Таким образом, самый факт необходимости пропорционального распределения труда абсолютно ясен и бесспорен. Эта необходимость действует, сохраняет свою силу, независимо от исторической общественной формы. Признание этого факта, понимание этой необходимости представляет собою абсолютно необходимое звено на определенной ступени теоретического анализа. Непонимание этого простого факта свидетельствует о «полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода». На определенной ступени абстрактного анализа понимание факта необходимости пропорционального распределения труда, независимо от общественной формы, представляет собою абсолютно необходимую предпосылку. Однако метод Маркса характеризуется не односторонним сведением качественно различных явлений к однообразной, серой абстракции; Маркс идет по пути выведения сложных, богатых определениями категорий из более простых. Отсюда ясна полная недопустимость превращения простой категории, необходимой на определенной ступени абстрактного исследования, во всеобщий и универсальный закон, пригодный для всех времен и всех народов. Такое употребление научного орудия не по прямому назначению приводит лишь к пустым и бессодержательным определениям.

И в самом деле, если мы о какой-либо общественной формации можем сказать лишь, что в ней действует необходимость пропорционального распределения труда, то это, иными словами, означает, что мы об этой формации не можем сказать решительно ничего. Познавательная ценность подобного утверждения не выше того, что нам дают классические примеры тривиальных утверждений. Волга течет в Каспийское море; лошади едят овес. Так обстоит дело с законом трудовых затрат, если в виде этого «универсального и всеобщего закона» представлять самый факт необходимости пропорционального распределения труда, факт, о котором Маркс упоминает не как об универсальном и всеобщем законе, а лишь как о необходимой ступени в теоретическом анализе.

Не трудно заметить, что изложение своей теории «закона трудовых затрат» т. Бухарин начинает именно с понимания этого закона в первом смысле. Однако бессодержательность этой трактовки столь очевидна, что на этой ступени т. Бухарин долго не задерживается и незаметно переходит к пониманию закона трудовых затрат во втором смысле. Под этим законом понимается уже не самый факт необходимости пропорционального распределения труда, не принцип этот в его предельной абстракции, а вполне определенное осуществление этого принципа, вполне определенный способ и характер, вполне определенное, — выражаясь подлинными словами т. Бухарина, — «материальное содержание» принципа пропорционального распределения трудовых затрат.

С особой отчетливостью это понимание закона трудовых затрат во втором смысле обнаруживается

в тех случаях, когда т. Бухарин пытается конкретнее изобразить значение и порядок действия своего «закона». Констатируя тот бесспорный факт, что у нас в порядке плана цены в своей полуфиктивной роли складываются сознательно иначе, чем они складывались бы стихийно, т. Бухарин тут же делает весьма многозначительную оговорку. «Но это ни в малой степени не значит, что здесь есть нечто, противоречащее закону пропорциональных трудовых затрат. Наоборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании устанавливалось бы *post festum*»¹. Таким образом, вся разница между регулятором капитализма и регулятором, действующим в переходном хозяйстве в виде закона трудовых затрат, сводится к тому, что закон трудовых затрат в порядке предварительного сознательного предвосхищения устанавливает те же (по своему материальному содержанию) пропорции в общественном процессе воспроизводства, которые при действии закона пенности устанавливались бы бессознательно, стихийно.

Далее т. Бухарин делает следующее замечание: «Когда мы говорим о нашем хозяйственном росте на основе рыночных отношений (это есть «смысл» нэпа с известной точки зрения), то тем самым мы опровергаем тезис о противопоставлении социалистического накопления (даже) закону ценности. Фигурально говоря, мы и закон ценности заставляем служить нашим целям. Закон ценности «помогает» нам и, — как это ни странно

¹ Н. Бухарин, К вопросу о закономерностях, стр. 52—53.

звучит, — тем самым подготавливает свою собственную гибель»¹.

Здесь абсолютно правильна мысль, что нельзя противопоставлять закону ценности социалистическое накопление. Это две категории, несопоставимые уже по той простой причине, что они расположены в различных плоскостях. Все остальное содержание этого замечания не может не вызывать серьезных недоумений. Прежде всего, следует заметить, что «смысл нэпа» сводится к сохранению рыночных отношений действительно лишь с известной (и притом весьма определенной) точки зрения. В настоящее время, когда лозунг неограниченной свободы рынка стал знаменем капиталистических групп, это совершенно ясно. Далее, разве отношения между плановым началом в нашем хозяйстве и законом ценности, — этим поддерживающим неограниченной рыночной стихии, — в самом деле исчерпываются той идиллией, которую рисует т. Бухарин? Разве вся роль закона ценности сводится к тому, что мы заставляем его служить своим целям, и он самым послушным образом нам помогает?

Нет сомнения, что в сложных взаимоотношениях плана и стихии в советской экономике известную роль играет и момент «использования». Однако сводить к этому все дело — значит не видеть чрезвычайно существенной стороны, которая заключается в борьбе между планом и стихией, в борьбе за план, в форме и под флагом которой разворачивается реальная классовая борьба в нашей стране. Впрочем, такое «сведение», такое одностороннее понимание взаимоотно-

¹ И. Бухарин, К вопросу о закономерностях, стр. 53—54.

шений между планом и стихией вполне соответствует той точке зрения, согласно которой «смысл нэпа» заключается в сохранении рыночных отношений, а закон ценности «перерастает в закон трудовых затрат», под которым подразумевается не что иное, как «неизменное материальное содержание» закона ценности.

Еще ярче, пожалуй, второй вариант понимания закона трудовых затрат выступает в «Заметках экономиста», где т. Бухарин писал:

«Сам закон накопления предполагает существование другого закона, на основе которого он «действует». Что это — закон трудовых затрат или что либо иное, — в данном случае для нас безразлично. Ясно одно: если какая-либо отрасль производства систематически не получает обратно издержек производства, плюс известную надбавку, соответствующую части прибавочного труда и могущую служить источником расширенного воспроизводства, то она либо стоит на месте, либо регрессирует. Этот закон «годится» и для зернового хозяйства. Если соседние отрасли производства находятся в сельском хозяйстве в лучшем положении, происходит процесс перераспределения производительных сил»¹.

Здесь прежде всего бросается в глаза, что зерновое хозяйство рассматривается как некое единое целое, в то время как всем известно, что в условиях переходного хозяйства производство зерна протекает в различных социальных формах. Необ-

¹ Н. Бухарин, Заметки экономиста, стр. 33.

ходимо иметь в виду по крайней мере четыре уклада, на которые распадается зерновое хозяйство. Зерно производится, как известно каждому, в хозяйствах натурального типа, простого товарного типа (бедняцко-середняцкая масса индивидуальных хозяйств), типа капиталистического (кулацкие хозяйства) и типа обобщественного, социалистического (совхозы и колхозы). Если даже отбросить элементы натурального хозяйства, то остаются все же три хозяйственных уклада. Можно ли объединить эти три уклада под одним «законом», который в одинаковой степени «годится» для всех? Совершенно очевидно, например, что в настоящий период форсированной борьбы против капиталистически-эксплуататорских элементов советская хозяйственная политика отнюдь не руководствуется по отношению к кулацким хозяйствам — производителям зерна, — тем принципом, что им следует непременно возмещать издержки производства, плюс известную надбавку. Наоборот, при помощи индивидуального обложения и прочих мер мы стремимся свести до минимума ту часть прибавочного продукта, которая сосредотчивается в руках кулаков. Кулачество отвечает на это, как известно, сплошь и рядом сокращением посевов. Задача сводится к тому, чтобы это сокращение кулацких посевов, в известном смысле неизбежное и естественное в условиях обострившейся классовой борьбы в деревне, компенсировать и перекрыть расширением зерновых посевов бедняцко-середняцкого крестьянства и обобщественного сектора. Поэтому зерновые хозяйства последних двух типов должны быть поставлены в значительно лучшие условия по сравнению с кулац-

ким хозяйством. Совхозы, например, для своего расширения требуют не только возмещения издержек производства, плюс известной надбавки, соответствующей части прибавочного труда. Как это ясно каждому, форсированное строительство гигантских зерновых совхозов требует от государства на первых порах затраты довольно крупных средств, которые черпаются вовсе не обязательно из той же отрасли зернового хозяйства.

Стало быть, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что «закон», который, по мнению т. Бухарина, «годится» для зернового хозяйства, как, повидимому, и для всех других отраслей народного хозяйства, на самом деле вряд ли вообще куда-нибудь годится, ибо он оставляет совершенно в стороне главное, а именно: социально-классовую характеристику хозяйственных единиц. Любопытно, что в этой именно связи т. Бухарин сам делает замечание насчет своего «закона»: «что это — закон трудовых затрат, или что-либо другое, — в данном случае для нас безразлично». Справедливость требует признать, что закон трудовых затрат в том смысле, в каком он выступает здесь, действительно чрезвычайно напоминает «что-либо другое». В самом деле, здесь говорится об издержках производства, которые вовсе не являются логической категорией всякого хозяйства вообще, а представляют собою, напротив, историческую категорию товарно-капиталистического хозяйства, возникающую и действующую на основе закона ценности. Далее, представление об отдельных «отраслях производства» здесь целиком и полностью соответствует бессубъектному товаропр-

изводящему обществу, в котором действительно «процесс перераспределения производительных сил» между отраслями регулируется тем законом насчет «издержек производства, плюс известная надбавка», который выставляется в качестве «годного» и для советской экономики.

Несколько лет тому назад один из советских экономистов писал: «Для товарно-социалистической системы остается обязательным равновесие между спросом и предложением на рынке и соответствующее образование или установление цен — соответствие цен издержкам производства»¹. Этот экономист, однако, открыто заявил, что по его мнению в советской экономике господствует закон ценности. Этот же автор считает, что «нормальные плановые элементы нашего хозяйства вовсе не ликвидируют товарного хозяйства и не вытесняют его».

И, действительно, если признать, что закон издержек производства господствует в нашем хозяйстве, тогда нет решительно никаких оснований отрицать действие закона ценности, на основе которого только и может идти речь об издержках производства. Таким образом, «закон трудовых затрат» в его втором смысле чрезвычайно мало отличается от закона ценности. Если понимать под законом трудовых затрат неизменное материальное содержание закона ценности, то спор о том, господствует ли в нашем хозяйстве закон ценности или закон трудовых затрат, является в значительной степени бессодержа-

¹ Проф. Юзовский. Статья в „Вестнике финансов“, № 12 за 1926 г., стр. 17. Подчеркнуто нами. — А. Л.

тельным спором о словах. Закон трудовых затрат выступает в этом случае до поры до времени как псевдоним, как стыдливое покрывало закона ценности. При первом же прикосновении критики это покрывало спадает, псевдоним раскрывается.

Излюбленные разговоры некоторых экономистов насчет материально-технической логики производственных пропорций, сохраняющих свое значение при любой общественной форме производства, порочны в своей основе. Верно, что раз существует производство, должны существовать также те или иные материально-производственные пропорции. Однако не только форма установления этих пропорций, но также их материальное содержание, весь характер этих пропорций в целом зависит от социальной формы производства, определяется ею. Поэтому можно говорить о логике материально-производственных пропорций лишь в рамках определенной экономической структуры общества. Однако, как только мы оставляем эти рамки, когда мы выходим за пределы определенной общественной формы производства — исчезает и эта «логика»; она сменяется, уступает место новой, подчас совершенно иной «логике». Отсюда ясно, что утверждения насчет «железной логики» материально-технической пропорциональности, сохраняющих свою силу независимо от смены общественной формы хозяйства, свидетельствуют лишь о чрезвычайно механистическом подходе к экономическим проблемам. Механистический метод характеризуется забвением специфичности общественных явлений, стремлением свести особые законы определенных эпох к общим началам, пригодным для всех времен и всех народов, недооценкой значения социальной формы про-

изводства. Конструкция «закона трудовых затрат» носит на себе все следы механистического подхода ¹.

Мы полагаем, что к закону трудовых затрат вполне применима, с соответствующими изменениями, та критика, которой Ленин подверг другой «универсальный» закон, пресловутый «закон убывающего плодородия почвы». Напомним в двух словах резюме ленинской критики. «К чему сводится «очевидность» пресловутого «закона убывающего плодородия почвы?» — спрашивал Ленин. — К тому, что если бы последующие приложения труда и капитала к земле давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продуктов, то тогда незачем было вообще расширять запашки... тогда «земледелие всего земного шара можно было бы уместить на одной десятине». Таков обычный (и единственный) довод в пользу «универсального» закона. «И самое небольшое размышление покажет всякому, — продолжает Ленин, — что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил» ². Как мы видели выше, закон трудовых затрат также

¹ Отсюда ясно, что мы никак не можем считать правильной ту оценку «закона трудовых затрат», которую дает в своем учебнике политической экономии А. Кон. Приведя известную цитату из письма Маркса к Кугельману, он пишет: «В этих немногих словах изложен имеющий громадное значение закон существования общества, впоследствии удачно названный Н. И. Бухариным „законом пропорциональных трудовых затрат“, или короче, „законом трудовых затрат“. Закон этот сохраняет свою силу для всех общественных формаций» (А. Кон, Курс политической экономии. Изд. 2-е, 1928 г., стр. 44. Подчеркнуто нами. — А. Л.

² Ленин, т. IX, стр. 46—47. Подчеркнуто нами — А. Л.

«оставляет в стороне самое главное», в данном случае — различие общественных формаций. Поэтому, на наш взгляд, к закону трудовых затрат вполне применима та характеристика, которую Ленин дал закону убывающего плодородия: «вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон», — настолько относительный, что ни о каком «законе»... не может быть и речи»¹.

7

Высшим критерием пригодности новой теоретической конструкции должна явиться революционная практика. Богатая практика первого в мире опыта социалистической переделки хозяйства подвергает каждую теоретическую концепцию испытанию огнем. Как выглядит концепция «закона трудовых затрат» в свете практики нашего хозяйственного строительства, под углом зрения жгучих проблем нашей экономической политики нынешнего этапа?

Мы переживаем в настоящее время первый и притом самый трудный этап широкой реконструкции народного хозяйства. Восстановительный процесс завершен и отошел в прошлое; отзвучали и те специфические «злобы дня», которые были с ним непосредственно связаны. Период широкой реконструкции ставит новые задачи, выдвигает новые проблемы. Необъятны горизонты, открываемые реконструктивным процессом; но велики также трудности, неизбежно сопутствующие реконструкции хозяйства огромной страны на новых социаль-

¹ Там же. Подчеркнуто нами—А. Л.

ных и технических началах. Решительный курс на индустриализацию страны и на социалистическое переустройство сельского хозяйства открывает необозримые перспективы, облакает в плоть и кровь завет Ильича: из России неповской сделать Россию социалистическую. Этот курс, решительно осуществляемый нашей партией, делает вполне, так сказать, осязаемым большевистский лозунг: догнать и перегнать передовые страны капитализма. Однако в истории не было случаев, чтобы выполнение задач подобного масштаба и значения давалось без труда, наподобие манной кашки. Осуществление реконструктивных задач нынешнего периода протекает также в обстановке серьезных трудностей, обуславливаемых в основном хозяйственной отсталостью страны и сопротивлением враждебных социализму классовых элементов.

В этой сложной и противоречивой обстановке разобранная нами концепция «закона трудовых затрат» легко может стать чем-то вроде теоретического обоснования для платформы открыто оппортунистического правого уклона. Как известно, правые оппортунисты считают непосильным осуществляемый партией курс на достаточно быструю индустриализацию страны. Утопичным и бессмысленным они считают план решительного социалистического наступления в области сельского хозяйства. Правые готовы на всех перекрестках обвинять партию в том, будто она осуществляет троцкистскую политику сверхиндустриализации и военно-феодальной эксплуатации крестьянства. Не видя классов в стране, исходя из либерального представления о классовой борьбе, правые склонны все хозяйственные трудности объяснять лишь тем, что политика партии нарушает необходимую пропорцио-

нальность в народнохозяйственном целом. Не трудно сообразить, какую вспомогательную службу может сослужить в данном отношении концепция «закона трудовых затрат».

Эта концепция исходит из того, что, если мы и можем находить необходимые хозяйственные пропорции своими плановыми методами, то эти методы во всяком случае не противоречат материальному содержанию закона ценности. Если на словах признается общее положение о том, что при капитализме пропорции были бы иные, нежели у нас, то на деле вся концепция всеобщего и универсального регулятора, с неизменным материальным содержанием, оставляет до чрезвычайности мало места для отклонения наших пропорций от пропорций, устанавливающихся в «нормальном» товарно-капиталистическом хозяйстве. Между тем курс партии на решительное осуществление индустриализации страны и социалистической переделки деревни базируется на необходимости и возможности установлений в нашем хозяйстве существенно иных пропорций между отдельными элементами народнохозяйственного целого, нежели те пропорции, которые были бы присущи товарно-капиталистическому хозяйству в нашей стране. Нет нужды доказывать, что это положение отнюдь не означает, что в советских условиях в какой-либо мере снимается или отпадает проблема сохранения общехозяйственного равновесия, что наши планы могут осуществляться при такой ситуации, когда экономика стоит дыбом. Важно, однако, отметить, что задача обеспечения хозяйственного равновесия не является самоцелью для наших планов; это скорее необходимое, но подчиненное условие для достижения основных целей нашего

планирования, которые неоднократно сформулированы в авторитетных партийных решениях как решительная борьба за социализм, осуществление индустриализации, ликвидация хозяйственной отсталости страны и т. д.

Исходя из этих основных целей хозяйственного строительства и базируясь на особенностях и преимуществах советской системы хозяйства, мы не только иными методами устанавливаем хозяйственные пропорции, но устанавливаем притом пропорции, которые по своему материальному содержанию существенно отличаются от тех соотношений, которые диктовались бы законом ценности. Это не означает, разумеется, что с законом ценности следует поступать, как арабская мудрость рекомендует обходиться с женщинами: «выслушай их советы и поступи наоборот». Если наши пропорции по своему материальному содержанию могут существенно отличаться от пропорций, устанавливаемых законом ценности, то это отнюдь не означает, что они должны всегда противоречить и представлять собою полную противоположность последних. Такое представление было бы лишь неудачной карикатурой.

Как мы видели выше, основной порок концепции «закона трудовых затрат» заключается в том, что она отрывает материальное содержание процесса установления пропорциональности в хозяйственной жизни от социальной формы производства, от специфических различий общественно-исторических формаций. Все эти различия ссылаются в области опосредствующего механизма, который механически, как скорлупа ореха, или, пожалуй, как костюм человека, облекает неизменное материальное содержание «закона трудовых затрат». Ме-

жду тем совершенно очевидно, что советская экономическая система, благодаря особенностям своей классовой структуры, благодаря изменившемуся типу связи с внешним миром, благодаря изменившемуся характеру производственных отношений, таит в себе возможности установления иных по своему материальному содержанию пропорций в хозяйственной жизни, нежели пропорции, устанавливаемые в «обычном» хозяйстве товарно-капиталистического типа. Поставленные нашей партией задачи социалистического строительства обуславливают необходимость установления во многих случаях иных материально-производственных пропорций по сравнению с пропорциями, диктуемыми законом ценности. Эти истины могут считаться в достаточной мере элементарными. Одно из преимуществ советской системы хозяйства заключается, например, в значительном сокращении непроизводительного потребления благодаря уничтожению значительной доли непроизводительных доходов нетрудовых эксплуататорских классов. Но в переводе на материально-производительный язык это означает, что значительно меньшая доля трудовых и материальных ресурсов затрачивается на обслуживание этих паразитарных «потребностей»: на производство предметов роскоши, на область личных услуг и т. п. Курс на индустриализацию страны обуславливает существенно иные материальные пропорции в области связей с внешним миром, нежели свободное действие закона ценности. Политика наступления на капиталистические элементы города и деревни требует также соответствующих материальных пропорций в том смысле, например, что должно возрасти производство сельскохозяйственного инвентаря, машин, тракто-

ров, искусственных удобрений. Все эти элементы для крупного хозяйства коллективного типа необходимы в значительно больших пропорциях, чем для кулацких хозяйств того же размера, базирующихся на хищнической кабальной эксплуатации батрацкого и бедняцкого труда.

Оставляя без малейшего внимания все эти существенные отличия в деле установления материальных пропорций, свойственные советской экономике, концепция «закона трудовых затрат» предоставляет широкий простор для неправильного объяснения причин и природы наших хозяйственных затруднений нынешнего периода. Из той предпосылки, что «закон трудовых затрат» годится, мол, и для советского хозяйства, делается вывод о том, что современные нарушения равновесий в хозяйстве вызваны исключительно неправильным установлением хозяйственных пропорций вследствие чересчур быстрого темпа индустриализации страны и наступления на капиталистические элементы. При этом совершенно забываются диспропорции, унаследованные от прошлого, оставляются в стороне те особые методы преодоления этих диспропорций, которые свойственны советскому хозяйству. Принцип равновесия объявляется высшим критерием в деле планирования. Равнение на узкие места выставляется в качестве высшей мудрости хозяйственной политики.

Отсюда, думается нам, и слепому должно стать ясным, что в современной хозяйственно-политической обстановке разговоры насчет железных законов пропорциональности могут иметь лишь один и притом достаточно определенный смысл.

Могут указать, что вызывающая у нас серьезные сомнения концепция относительно «закона трудовых затрат» была в свое время выставлена в полемике против Преображенского и что Преображенский во втором издании своей «Новой экономики» сформулировал ряд возражений против этой концепции. И то и другое является бесспорным фактом. Совершенно естественно в настоящее время вдвойне настороженное внимание ко всему, что может быть поставлено в какую бы то ни было связь с идейным багажом троцкизма. Возможно, что у некоторых читателей возникнет сомнение: не является ли критика концепции «закона трудовых затрат» в какой-либо мере уступкой экономической теории троцкизма? Мы полагаем, что подобное сомнение, вполне законное само по себе, в данном случае при ближайшем рассмотрении дела должно отпасть по ряду совершенно очевидных простых причин.

Прежде всего необходимо иметь в виду, что ни с кем и ни с чем на свете, в том числе и с троцкистской теорией Преображенского, нельзя спорить по упрощенному методу: Преображенский, мол, сказал А, значит надо сказать не А. Если бы Преображенскому вздумалось утверждать, что Волга течет в Каспийское море, то не было бы никаких оснований отвергать эту истину лишь на том основании, что Преображенский — теоретик троцкизма. Если Преображенский заявляет о своем отрицательном отношении к английскому королю, то никакая борьба с троцкизмом Преображенского не должна заставить нас одного короля особенно полюбить. Отсюда совершенно понятно, что если в по-

лемежке против Преображенского кем-либо сделана какая-либо теоретическая ошибка, то подобную ошибку никогда не поздно исправить.

Далее мы считаем абсолютно ясным, что теоретическое построение Преображенского, основанное на пресловутом «законе первоначального социалистического накопления», падает совершенно независимо от судьбы своеобразной концепции «закона трудовых затрат». Нет нужды повторять здесь всей суммы теоретических и политических аргументов против теории Преображенского. Мы надеемся, что читатели не забыли содержания тогдашней полемики; тот, кто этой полемики не помнит, может ознакомиться с ее содержанием по соответствующей литературе. Теоретическая слабость и непригодность концепции Преображенского коренится в конечном счете в механическом подходе к анализу переходной экономики: за противоречиями, имеющими место в советском хозяйстве, Преображенский проглядел единство системы в целом. Отсюда абсолютно некритическая конструкция «закона первоначального социалистического накопления», выступающего как экономический закон в эпоху, когда совершается постепенное выцветание и отмирание фетишистских (т. е. экономических) категорий и законов. Как известно, по поводу самого термина «первоначального социалистического накопления», впервые приведенного в «Экономике переходного периода» Бухарина, Ленин высказался совершенно определенно. Ленин заметил, что это «детская игра, копирование терминов, употребленных взрослыми». Когда была опубликована эта убийственная характеристика, данная Лениным тому понятию, на котором Преображенский пытал-

ся создать «церковь» своей теории переходного хозяйства, Преображенский пытался ответить оговоркой, носящей уже поистине детский характер. По его мнению, Ленин отрицательно отзывался о категории «первоначального социалистического накопления» по той причине, что Бухарин ввел ее в период военного коммунизма, когда хозяйство разрушалось. Выходит таким образом, что у Ленина нехватило силы абстрактного мышления, для того чтобы отвлечься от условий момента при оценке теоретической конструкции, претендующей на общезначимость для всего периода перехода от капитализма к социализму!

Характеристика Лениным основного камня теоретико-экономической «церкви» Преображенского убийственна. Кто знает, какую характеристику дал бы Ленин «закону трудовых затрат»?

Помимо абсолютной несостоятельности основной категории теории Преображенского — его «законна первоначального социалистического накопления», неисправимый порок его концепции заключается в абсолютно противоестественном и незаконном противопоставлении двух законов — закона ценности и закона накопления, которые как в реальной действительности, так и в теоретической концепции лежат в совершенно различных плоскостях.

Как отмечалось уже не раз, закон ценности не может быть заменен законом накопления по той простой причине, что в любом хозяйственном организме процессы накопления протекают на базе того или иного основного закона движения данного общества. Капиталистический закон накопления действует на базе закона ценности. Процессы накопления в социалистическом хозяйстве должны будут протекать на основе тех общих прин-

ципов, которыми будет регулироваться и управляться производственный процесс в социалистическом обществе.

Наконец, кардинальным и важнейшим пороком троцкистской теории советской экономики, сформулированной Е. А. Преображенским, является ее механистический и эклектический дуализм. Как известно, Преображенский исходит из представления, будто в советском хозяйстве одновременно действуют два регулятора, между которыми разворачивается борьба. Теория двух регуляторов (как и ее несколько прикрытая версия в лице теории двуединого регулятора) насквозь механистична. Она свидетельствует о неумении пользоваться диалектической категорией единства противоположностей. Нам уже приходилось в других местах давать более подробную и развернутую критику теоретических построений Преображенского и, в частности, его теории двух регуляторов. Мы ограничимся здесь лишь формулировкой нескольких соображений, отнюдь не ставящих своей задачей сколько-нибудь полное разрешение чрезвычайно сложного и весьма запутанного в нашей литературе вопроса о регуляторе советского хозяйства.

Необходимо прежде всего заметить, что основным грехом многочисленных попыток постановки проблемы регулятора в советской экономике является то обстоятельство, что обычно вопрос о равновесии ставится механистически, изолированно и оторвано от вопроса о движении. Применительно к проблеме регулятора это означает недиалектический, статический подход, при котором под «регулятором» начинают невольно понимать какое-то метафизическое начало, обеспечивающее данной

хозяйственной структуре некое предустановленное равновесие, наподобие предустановленной гармонии блаженной памяти вульгарных апологетов. Равновесие рассматривается не как подчиненный момент и частный случай движения, а как то изолированно и самостоятельно. Разумеется, что при такой постановке вопроса проблема регулятора натывается на совершенно непреодолимые препятствия, обусловленные, однако, не существом дела, а ошибочным подходом.

Правильная постановка заключается, однако, в том, что равновесие берется лишь как элемент движения; соответственно этому закон равновесия — регулятор — должен рассматриваться как подчиненный элемент основного закона движения данной общественной формы. Мы полагаем, что при достаточно четком проведении этой принципиальной установки должна отпасть значительная часть тех трудностей, с которыми связано обоснование единого регулятора, действующего в нашем хозяйстве. Между тем именно эти трудности, обусловившие ряд неудовлетворительных попыток построения концепции единого регулятора (концепция закона трудовых затрат должна быть, на наш взгляд, также отнесена к числу этих попыток), служили питательной почвой для теории двух регуляторов Преображенского вкупе с теорией двуединого регулятора.

Переходная экономика сочетает в себе элементы различных — более того, противоречивых — хозяйственных укладов. Если подойти к проблеме статически, могло бы показаться: раз существуют разные уклады — значит имеются соответствующие этим укладам различные регуляторы. Так в основном и рассуждает Преображенский, который на

основании анализа различных укладов приходит к выводу, что в советском хозяйстве должны действовать по крайней мере два регулятора. Выдвигаемое против теории двух регуляторов соображение насчет единства советской хозяйственной системы абсолютно правильно, но, на наш взгляд, явно недостаточно. Эта недостаточность всего ярче обнаруживается у т. Бухарина и его учеников. Пока дело ограничивается лишь общим прокламированием единства системы, все обстоит как нельзя лучше. В этой стадии мы имеем чрезвычайно диалектические уверения, что советское хозяйство представляет собою единство, хотя и противоречивое. Как только дело касается, однако, конкретизации этих столь же бесспорных как и общих положений, сторонники концепции закона трудовых затрат фатально приходят к фактическому забвению, отрицанию всей противоречивости того единства, каким является советская экономика.

Иначе обстоит дело, если брать советскую экономику в движении. Советское хозяйство мы потому и признаем хозяйством переходным, что оно движется по направлению к социализму. Воспроизводственный процесс в советской экономике представляет собою, как и при всякой иной общественной форме, одновременно процесс воспроизводства общественных производственных отношений, процесс воспроизводства самой общественной формы производства. Абсолютно верно, что воспроизводственный процесс в советской экономике на каждом шагу подчеркивает и доказывает единство советского хозяйства как системы. Совершенно понятно, что сколько-нибудь гладкий и бесперебойный ход воспроизводственного процесса оказался бы принципиально невозможным, если бы

он распадался на отдельные самостоятельные и несогласованные тем или иным порядком воспроизводственные круги, функционирующие на базе различных регуляторов. Совершенно ясно отсюда, что применительно к процессу производства теория двух регуляторов (или, что то же, двуединого регулятора) означает не более и не менее как обоснование неизбежности непрерывных кризисов, беспрестанных перебоев, постоянного нарушения равновесия во всей хозяйственной системе. Если мы, напротив, полагаем, что постоянные кризисы не являются неизбежным законом советского хозяйственного развития, если мы полагаем, иными словами, что советская экономика имеет все основания к тому, чтобы существовать и развиваться, то точка зрения единого регулятора абсолютно обязательна.

Как примирить, однако, этот единый регулятор со специфической **противоречивостью** всей системы, обусловливаемой ее **переходным** характером? Как примирить единый регулятор с протекающей в советской экономике борьбой двух начал: плана и стихии? А ведь эта борьба отнюдь не является досужей выдумкой экономиста. Она дает себя чувствовать каждый день. Она является лишь экономической формулировкой ленинского «кто кого?» Забвение моментов **борьбы** между планом и стихией (существующих, разумеется, на ряду с многочисленными элементами **связи** и взаимообусловленности между ними) во многих случаях представляет собою лишь иное выражение для затушевывания классово-вой борьбы в стране.

Нам представляется, что удовлетворительный ответ на поставленные нами вопросы может быть получен лишь в том случае, если рассматривать

проблему регулятора в связи с проблемой движения, если понимать регулятор лишь как один из подчиненных элементов общего закона движения данной хозяйственной структуры. В самом деле, ведь советская экономика отличается прежде всего и раньше всего тем, что она развивается в направлении к социализму. Лишь этот «закон движения» советского хозяйства дает нам основание называть его переходным. При всей внутренне-противоречивой структуре советской экономики закон движения к социализму является тем обобщающим, цементирующим и всеподчиняющим началом, которое как раз и обеспечивает единство этой противоречивой системы. Воспроизводственный процесс в советском хозяйстве воспроизводит и присущие переходному хозяйству специфические противоречия. Однако процесс воспроизводства в целом подчинен, он, можно в известном смысле сказать, «управляется» законом движения всей системы к социализму.

Под регулятором производства правильнее всего было бы понимать принцип, устанавливающий определенные пропорции в общественном производственном процессе. Само собою разумеется, что в регуляторе объединяется как форма (или специфический способ) установления или достижения этой пропорциональности, так и конкретное материальное содержание этой пропорциональности. Отрыв формы от содержания является в данном случае, как мы уже видели выше, совершенно недопустимым.

Выше мы видели также, что совершенно неправильно было бы принцип достижения пропорциональности в любой общественно-производственной формации отрывать от закона движения этой фор-

мации. Это положение сохраняет силу применительно к советскому хозяйству в полной мере. В переходной экономике как способ достижения определенных материально-хозяйственных пропорций, так и материальное содержание этих пропорций обуславливаются специфическими особенностями нашей общественной формы, ее основным направлением движения и развития к социализму. В том и заключается ведущая роль плана в нашем хозяйстве, что план выступает в качестве знамени, лозунга социалистического пути развития, социалистической индустриализации страны и реконструкции сельского хозяйства. Поэтому мы полагаем, что, рассматривая процесс хозяйственного развития в его динамике, рассматривая, далее, регулятор производства как подчиненный элемент «закона движения» данной общественной формы, можно с полным правом сказать, что единым регулятором переходного хозяйства является плановое начало, которое в беспрестанной борьбе утверждает свою роль ведущего начала в нашей хозяйственной системе. При такой постановке вопроса конкретные случаи срыва плановых предположений насчет той или иной пропорциональности между отдельными элементами воспроизводственного процесса не могут служить сколько-нибудь серьезным аргументом против точки зрения единого регулятора. А в таком случае целиком и полностью падает главное сооружение теории Е. А. Преображенского — его концепция двух регуляторов, которая создает совершенно карикатурное представление о советском хозяйстве.

Мы видим, таким образом, чрезвычайную теоретическую слабость троцкистской теории насчет «первоначального социалистического накопления», конструкции двух регуляторов и пр.

Не может быть никакого сомнения, что каждый из этих теоретических грехов в отдельности означает окончательный приговор над концепцией Преображенского. Тем более бесповоротный приговор получается в результате всей совокупности этих ошибок.

Наконец, следует заметить, что, возражая против концепции «закона трудовых затрат», Преображенский все же глубоких методологических корней ошибочности этой концепции не вскрыл. Он отметил лишь некоторые внутренние противоречия этой концепции. Да это и не мудрено: эти противоречия видны, что называется, невооруженным глазом. Но он нисколько не затронул методологической подосновы этих противоречий, а без этого критика «закона трудовых затрат» оказывается абсолютно недостаточной. Между тем, обнаружить эти методологические изъяны Преображенский не мог по той простой причине, что эти изъяны лежат в принципиальном направлении той же известной механистичности мышления, которая характерна и для Преображенского.

По совокупности всех этих обстоятельств мы считаем, что критическое отношение к теории «закона трудовых затрат» нисколько не ослабляет, а, напротив, лишь укрепляет наши позиции в борьбе с экономической концепцией троцкизма, как и со всеми антипартийными и антимарксистскими теоретическими построениями..

Мы до сих пор имели дело с теорией закона трудовых затрат в том виде, как она изложена т. Бухариным. Считаю нелишним в дальнейшем кратко остановиться на некоторых произведениях других авторов, освещающих тот же вопрос.

До чрезвычайности характерно, что истоки разбираемой здесь теории ведут к родоначальнику всех антидиалектических ошибок в марксистской экономической литературе последнего периода, к А. Богданову. В своем выступлении в Коммунистической академии по докладу Преображенского в январе 1926 г. покойный А. Богданов выставил следующее положение: «Закон трудовой ценности при капитализме есть закон, по которому распределение производственных элементов регулируется трудовыми затратами; и вот, в сущности, как раз этот же закон по необходимости проводится государственным хозяйством даже тогда, когда оно является монопольным покупателем, проводится по отношению к противостоящему индивидуальному хозяйству»¹. Далее он продолжает: «Дело в том, что если при капитализме стихийным регулятором являются трудовые затраты и если при переходной формации регулятором, в несколько более планомерной форме, являются трудовые затраты и при социализме регулятором должны явиться трудовые затраты, то разве вы не видите, что тут есть некоторая общая закономерность»... и дальше фраза: «Действие данного закона в одном случае осуществляется более стихийно, в другом — более планомерно, но это

¹ Вестник Коммунистической академии, № 15 за 1926 г., стр. 214.

один и тот же закон, закон трудовых затрат, одно и то же соотношение».

Как злободневно, как современно звучат эти слова, сказанные около четырех лет тому назад! Разница между Богдановым и всеми последующими теоретиками закона трудовых затрат заключается лишь в том, что Богданов оказывается н а и б о л е е последовательным из всех.

Выступивший еще весной 1926 г. со статьей о «Стоимости в хозяйственной системе СССР» тов. Т. Берин употребил, насколько нам известно, впервые в партийной печати (если не считать устного выступления А. И. Богданова), самый термин «закон пропорциональности трудовых затрат»¹. На его рассуждениях стоит несколько остановиться, ибо здесь самые слабые стороны критикуемой нами концепции выступают наиболее явственно. Приведя отныне знаменитую цитату из письма Маркса к Кугельману насчет «всякого ребенка», т. Берин делает отсюда следующее заключение: «Легко видеть, что стихийность не есть закон, а только форма проявления закона. Содержание же закона трудовой стоимости Маркс приравнивает к закону природы, который вообще не может быть отменен». За сим следует цитата из ленинского «Государства и революция», в которой Ленин говорит, что в первой стадии коммунистического общества, при социализме, «буржуазное право» отменяется лишь в мере уже достигнутого экономического переворота, т. е. лишь по отношению к средствам производства, сохраняя до известной степени свою силу в качестве регулятора распределения продуктов и рас-

¹ См. „Большевик“ № 9—10 за 1926 г., стр. 77 и след.

пределения труда между отдельными членами общества. Из этого утверждения Ленина автор делает следующий любопытный вывод: «Какой же это такой (за стиль автора мы не отвечаем.—А. Л.) «буржуазный закон», который при социализме будет служить регулятором распределения продуктов и труда? Конечно же, это есть марксов закон эквивалентности, хотя проявление его будет видоизменено».

Эти рассуждения Берина чрезвычайно любопытны прежде всего в том отношении, что они обнаруживают ближайшее родство с механистическим пониманием марксовой теоретической экономики и, в частности, марксовой теории ценности. Как известно, именно в настоящее время механисты в политической экономике выступают чрезвычайно активно, подымая большой шум. Мы полагаем, что им не вредно будет поглядеть на себя в беринском зеркале.

В частности, рассуждения Берина, как две капли воды, напоминают более позднее выступление проф. Кажанова, которое в свою очередь послужило прообразом для самоновейших выступлений ряда экономистов-механистов. В своей статье «Материальный показатель трудовой стоимости у Маркса»¹ проф. Кажанов, подводя итоги своим довольно пространственным рассуждениям по вопросу о содержании и форме ценности, приходит в конечном счете к следующему выводу: «Стоимость со стороны ее содержания Маркс относит к области материальных производительных сил, форму же стоимости рассматривает как элементарное выражение обу-

¹ См. журнал „Проблемы марксизма“, изд. Ленинградского института ма, ксизма, Л. 1928 г., стр. 133 и след.

словенных развитием производительных сил производственных отношений, или экономической структуры общества... В связи с этим стоит разрешение вопроса, сохранит ли категория стоимости объективное свое бытие при социализме, как первой фазы коммунистического общества, когда еще удержатся остатки исторической «несправедливости» распределения предметов потребления «по работе», а не «по потребностям», когда будет действовать еще «строжайший контроль со стороны общества и государства над мерой труда и мерой потребления» (см. Ленин «Государство и революция») в порядке планового регулирования всей хозяйственной жизни общества». Поставив этот вопрос о судьбе категории ценности при социализме, проф. Кажанов считает возможным ответить, что «Маркс решил этот вопрос в положительном смысле. Поскольку производственные отношения в результате социалистической революции перестраиваются... в бесклассовые плано-регулируемые, поскольку форма стоимости из меновой превращается в плано-регулируемую форму стоимости. постольку закон стоимости из общественно-стихийной действующей силы превращается в научно-регулируемую силу».

Мы сочли нелишним привести эту пространную выписку из произведения Кажанова, ибо здесь перед нами достаточно яркий образец механистического ревизионизма, прикрывающегося, впрочем, по обыкновению, криками о «меновой концепции», «идеализме», забвении материальных производительных сил и т. п. Можно было бы сказать: что у других, более осторожных, механистов, на уме, то у проф. Кажанова на языке.

Близость кажановских рассуждений к точке

зрения, высказанной Бериним, совершенно очевидна. Берин видит содержание закона ценности в законе природы, который вообще не может быть отменен; Гаяннов столь же решительно заявляет, что содержание ценности относится к области материальных производительных сил. Совершенно механистически отрывая форму от содержания, механистически затушевывая проблему качества и специфичности, стремясь механистически «свести» качественно различные области явлений к некоей бескачественной субстанции, оба автора вполне сходятся в том, что стихийность, т. е. особая форма организации общественного производства, представляет собою не содержание, а лишь форму закона ценности (Берин еще говорит: форма проявления закона ценности). Оба автора одинаково ссылаются на указания Ленина о роли «буржуазного права» на первых ступенях социализма, и оба в одинаковой степени обнаруживают полное непонимание этих указаний. Ленин подчеркивает, что «в меру уже достигнутого экономического переворота, т. е. по отношению к средствам производства», пресловутое «буржуазное право» отменяется, отмирает. Напротив, оно сохраняет силу «в качестве регулятора распределения продуктов и распределения труда между членами общества». Здесь Ленин, противопоставляя область «средств производства» области «распределения продуктов и распределения труда», совершенно отчетливо указывает, что он в последнем случае имеет в виду проблему соответствия индивидуального «вознаграждения» отдельных членов общества их индивидуальным трудовым затратам. Употребляя термины в весьма условном и узком смысле, можно было бы сказать, что здесь

имеется в виду в первую очередь проблема распределения, а не проблема производства. Исключая из области действия «буржуазного права» такую «мелочь», как обобществленные средства производства, Ленин далее говорит о сохранении «буржуазного права» не для того «пропорционального распределения трудовых затрат», о котором идет речь в письме Маркса к Кугельману, а для установления принципов соответствия между трудом индивидуума и его «оплатой» со стороны общества. Разумеется, одна область отношений не отделена от другой китайской стеной; однако между этими двумя областями налицо качественное различие. Поэтому, когда Берин заявляет, будто Ленин имеет здесь в виду тот же «марксов закон эквивалентности», объявляя его, таким образом, вечным и неизменным законом общества (или, может быть, природы?), то он обнаруживает одинаковое непонимание как Маркса, так и Ленина.

Дальнейший ход рассуждений т. Берина чрезвычайно несложен. «Если закон пропорциональности трудовых затрат остается регулятором распределения продуктов и труда и при социализме, то не может же этот закон заснуть летаргическим сном на весь переходный период от капитализма к социализму. При анализе нашей экономической системы главное наше внимание, следовательно, должно быть обращено на то, как у нас проявляется этот основной, открытый Марксом закон. Термин здесь не столь существенен. Если окажется, что проявление этого закона у нас никаких следов стихийности не носит, тогда можно будет заменить термин «закон стоимости», ну хотя бы термином «закон пропорциональности трудовых затрат».

Как видит читатель, это рассуждение подкупает своей безыскусственностью. В самом деле, если при социализме и капитализме действует один и тот же в своей основе закон, то почему бы ему не действовать и в переходную эпоху? Далее, если «анализ» покажет, что в советском хозяйстве нет «никаких следов стихийности», то почему бы не заменить один термин другим. Нашему автору, однако, невдомек, что для обнаружения кое-каких «следов стихийности», в нашем хозяйстве требуется «анализ» столь элементарного порядка, что, не имея этакого «анализа», трудно вообще сказать что-либо путное о советской экономике.

Заключает свои изыскания наш пионер закона трудовых затрат следующим образом: «Важно, однако, то, что именно по пути искания того, как в нашем хозяйстве проявляется закон эквивалентности, — должно идти марксистское исследование». Это утверждение столь красноречиво, что вряд ли можно к нему что-либо прибавить. В целом фоллианте наш автор не мог дать более убийственных аргументов против пресловутого закона трудовых затрат, чем в этой одной фразе. Нечего и говорить, что хорошо бы выглядело «марксистское исследование», если бы оно послушалось нашего автора. Важно, однако, что здесь — опять-таки, видимо, по принципу: что у одного на уме, то у другого на языке — знаменитый закон трудовых затрат, прямо, без обиняков, объявляется во всеуслышание «закон ом эквивалентности». Политический и экономический смысл требования «эквивалентности» в настоящее время столь ясен, что к этому саморазоблачению, повторяем, вряд ли следует что-либо прибавлять.

Перейдем к другому автору, потрудившемуся на ниве «закона трудовых затрат», к т. А. Айхенвальду. В своей «Советской экономике», вышедшей со специальным рекомендательным предисловием т. Бухарина, этот автор пытается дать развернутое изложение интересующей нас концепции, базируясь при этом на построении т. Бухарина. Несмотря на попытки подробной разработки данной теории, изложение закона трудовых затрат у Айхенвальда поразительно ясно обнаруживает внутреннюю пустоту и никчемность этого теоретического построения.

В главе, посвященной проблемам рынка и плана, многочисленные замечания насчет закона трудовых затрат играют роль механических привесков, ничего не выясняющих и лишь увлекающих систематически автора на путь абсолютно неправильного освещения ряда кардинальных вопросов.

Как и другие сторонники разбираемого нами закона, Айхенвальд фактически скатывается к механическому пониманию взаимоотношений между содержанием и формой закона ценности. В этом отношении он вещает истины, чрезвычайно напоминающие уже известные читателю механистические мотивы Кажанова и др.

«Распределение общественного труда — или в потенциальной форме рабочей силы, или в окристаллизованной форме всевозможных продуктов— всегда каким-либо способом приводится в соответствие с требованием пропорциональности. В этом и состоит постоянная работа «закона трудовых затрат» (Бухарин). Но тот или другой способ действия этого закона зависит от хозяйственного уклада, от социально-экономической организации

данного общества»¹. Уже здесь налицо знакомое нам механическое представление о природе общественно-экономических законов. В основе закона лежит некая «вечная» субстанция, производящая «постоянную работу». Меняться может лишь «тот или другой способ действия» универсального закона.

Далее автор пишет: «Замена капитализма социализмом будет означать ликвидацию стихийной стоимостной формы закона трудовых затрат»². Старые, знакомые мотивы! Меняется форма при неизменном содержании. Если Берин, будучи более последовательным, ничтоже сумняшеся, заявляет, что стихийность не входит в содержание закона ценности, а служит только формой проявления этого закона, то более грамотный т. Айхенвальд ту же в сущности мысль излагает несколько более замаскированным образом. Ликвидируется, мол, стихийная, ценностная форма закона трудовых затрат. Таким образом, и марксистская видимость соблюдена, и вечный универсальный закон торжествует. Не трудно, однако, заметить, что разноречие между обоими авторами здесь исключительно терминологическое. В основе же оба они исходят из надевания временной исторической формы на вечное и неизменное содержание того закона, который одним из авторов — Беринным — сбивчиво объявляется то законом ценности, то законом трудовых затрат, то попросту законом эквивалентности, а другим автором — Айхенвальдом, — называется законом трудовых затрат.

В советском хозяйстве, по мнению Айхенвальда,

¹ „Советская экономика“, стр. 283.

² Там же, стр. 284.

этот закон действует двояким путем. «Понятно, — пишет этот автор, — что переходному строению советского хозяйства соответствует наличие разных форм действия закона трудовых затрат: и как стихийного закона товарно-капиталистического хозяйства и как сознательно-проводимой нормы трудовых затрат». Необходимо признать, что автор вслед за тем делает шаг вперед по сравнению с более вульгарными представителями той же теории. Он замечает: «Неправильно было бы думать, что обе эти формы закона трудовых затрат — и плановая, и стихийно-рыночная — просто разными способами устанавливают совершенно одно и то же; разница между ними гораздо глубже, она лежит не только в форме, но и в самом содержании хозяйственных процессов».

Итак, различие между двумя формами всеобщего закона трудовых затрат затрагивает также и «содержание хозяйственных процессов». К сожалению, автор не поставил перед собою вопроса, — что же это за мистическое «содержание»? Сколько-нибудь серьезное размышление на эту тему обнаружило бы полнейшую бессодержательность закона трудовых затрат. В самом деле, яснее ясного, что в данном случае «содержание хозяйственных процессов» имеет какой-нибудь смысл лишь в том случае, если понимать под этим малоопределенным выражением определенные пропорции воспроизводственного процесса. Именно о порядке установления пропорциональности, о характере и содержании этих пропорций идет в данной связи речь. Поэтому автор должен был бы признаться, что две различные формы единого закона трудовых затрат: стихийно-рыночная и планово-сознательная — устанавливают пропорции

в производстве не только различными способами, но и различного содержания. Однако, если признаться в этом, — что же останется от нашего «единого» закона трудовых затрат? Можно ли в таком случае вообще говорить о законе трудовых затрат, ежели он меняет не только свою форму, но и свое содержание?

Следует заметить, что в своих рассуждениях насчет двух различных форм «единого» закона трудовых затрат Айхенвальд значительно ближе подходит к теориям двух регуляторов Преображенского и двуединого регулятора А. Кона, чем это ему самому кажется. На словах ожесточенно отрицая эти обе теории, он на деле колеблется между фактической капитуляцией перед этими теоретическими построениями и скатыванием к беринско-кажановской постановке вопроса о вечном содержании закона эквивалентности, который действует и ныне и присно и во веки веков. «Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивания кусочка одного, кусочка другого», — писал Ленин, разъясняя различие между диалектикой и эклектизмом. Беда Айхенвальда в том, что он, подобно другим представителям той же концепции, подменяет диалектику эклектизмом, и пытается строить анализ переходной экономики, выдергивая кусочки одного, кусочки другого. Абсолютно выхолощенное представление о природе плана в советской экономике. подмена серьезного анализа действительных взаимоотношений между планом и стихией пустопорожним quasi - диалектическим словечком о «взаимопроникновении» этих двух элементов, фактическое забвение целевой установки, как конституирующего момента плана, — все эти решаю-

щие недочеты построений Айхенвальда являются расплатой за неумение подойти к хозяйственным процессам «в их непрерывном развитии», за неумение рассмотреть эти процессы в их движении.

Дальнейшую вульгаризацию рассматриваемой концепции мы находим в выступлениях А. Кармалитова и К. Бутаева, хотя следует признать, что каждый из них вульгаризирует защищаемую им теорию на свой образец.

У А. Кармалитова, который в двух статьях принял критическую атаку против наших «Очерков переходной экономики», рассуждения разворачиваются по известному уже нам трафарету. Сначала в порядке артиллерийской подготовки выступает, разумеется, «всякий ребенок». Непосредственно за этим «ребенком» следует знакомая нам бухаринская интерпретация этой марксовской цитаты. Впрочем, предоставим слово Кармалитову.

«Маркс говорит: «Законы природы вообще не могут быть уничтожены, — вещает наш теоретик. — А таким законом природы для общества является пропорциональное распределение «совокупного общественного труда».

Запомним покамест прекрасную формулировку — «закон природы для общества», и последуем за нашим автором дальше:

«Таким образом, закон трудовых затрат — выражение Бухарина — неизменно действует во всех экономических формациях. Но способ производства, другими словами, определенные производственные отношения, создают разные формы проявления этому закону (наш автор не совсем силен по части падежей.— А. Л.). При простом товарном хозяйстве формой проявления закона трудовых затрат выступает стоимость. Задача исследования заклю-

чается в том, чтобы показать, какую форму закон трудовых затрат принимает в экономике переходного периода. Авторы все просто отбрасывают этот закон, считая его категорией капитализма»¹.

«Авторы» (здесь имеются в виду А. Леонтьев и Е. Хмельницкая, авторы книжки «Очерки переходной экономики», вышедшей в 1927 г.), — действительно закоренелые и неисправимые преступники. Полумать только! — они непочтительно «отбрасывают» этот закон (пресловутый закон трудовых затрат), считая его категорией капитализма. Наш смертный грех заключается, таким образом, в том, что мы по совету Г. В. Плеханова прилепляемся мнения старика Бвало, рекомендовавшего всегда называть копейку копейкой. Заметим, что попутно Кармалитов нечаянно обогащает марксизм открытием, что стоимость является формой проявления закона трудовых затрат лишь в простом товарном хозяйстве. Как увидим дальше, он даже в этом головокружительном открытии не совсем одинок.

Далее наш автор продолжает: «Вопрос о форме проявления «закона трудовых затрат» в экономике советского хозяйства (!) есть вопрос о равновесии хозяйственной системы диктатуры пролетариата». Севши на любимого конька всей бухаринской школы — на проблему «равновесия», Кармалитов начинает толковать ее вквивь и вкось, выбалтывая наивно такие вещи, с которыми более разумные люди остерегаются выступать вслух. В одном месте, например, наш критик заявляет: «Задача исследования заключается не в том, что идет борьба между социалистическим сектором хозяйства и частно-

¹ См. „Большевик“ № 23—24 за 1927 г., стр. 153—154 и след.

капиталистическим, для этого никакого исследования не требуется, а задача состоит в том, как при борьбе этих двух секторов происходит равновесие всей системы». Оставим в стороне чрезвычайно «сугубый» стиль нашего автора; как мы видели, он желает узнать, «как происходит равновесие»; далее он уверяет, что «задача не в том, что идет борьба» и что, наоборот, «задача в том, как происходит». Однако, как сказано, оставим эти «литературные вольности» в стороне. Что тогда останется от кармалитовской словесности? — Останется, во-первых, чрезвычайно ценный совет не заниматься исследованием борьбы между социалистическими и капиталистическими элементами в нашем хозяйстве. Оценить этот совет по достоинству в нынешней обстановке не трудно. Если отнестись к подобному совету сколько-нибудь серьезно, то его можно квалифицировать лишь как невероятное невежество или полнейшее правооппортунистическое ослепление. Во-вторых, оказывается, что задача исследования «состоит в том, как при борьбе этих двух секторов происходит равновесие всей системы». В переводе с языка кармалитовской словесности на простой человеческий язык это должно означать, что задача исследования переходной экономики исчерпывается анализом условий и характера хозяйственного равновесия. В полном согласии со специфическими традициями бухаринской теоретической школы наш автор сводит все задачи экономического анализа к одной лишь проблеме равновесия. Как истый эпитон и плоский вульгаризатор, он выдвигает на первый план принцип равновесия, доводя до абсурда недиалектическую бухаринскую постановку проблемы равновесия.

Этакая «методология» заводит нашего автора довольно далеко. «Борьба плана со стихией в нашем хозяйстве налицо, это бесспорно, — вещает он, — но борьба происходит на основе равновесия всей системы». Действительное положение вещей здесь поставлено на голову. Не равновесие осуществляется и реализуется в процессе и в результате борьбы плана со стихией, а сама эта «борьба происходит на основе равновесия». Яркий, можно сказать, классический образец вульгарно-механического представления о примате состояния равновесия над процессом движения и развития.

Не удовлетворяясь этими открытиями, Кармалитов идет дальше. «Формы проявления закона трудовых затрат, — пишет он, — в зависимости от тех или иных производственных отношений, имеют значение не только в том, что в одном случае закон трудовых затрат осуществляется стихийно, в другом, — через сознательно устанавливаемый план. Главное значение заключается в более быстром или более медленном развитии производительных сил» (подчеркнуто нами.—А. Л.). Эта глубокомысленная идея так понравилась, видимо, Кармалитову, что он пытается ее развить, по нивности не замечая, что он попадает в вопиющее и безвыходное противоречие со своими предыдущими и последующими высказываниями. «Закон трудовых затрат, — пишет он, — действует как в капиталистическом хозяйстве, так будет действовать и при социализме (еще раз оговариваемся, что мы за стиль автора не отвечаем.—А. Л.). Но при социализме изменится не только форма проявления данного закона, а благодаря измененной форме проявления изменится

и само содержание закона трудовых затрат, другими словами, пропорции распределения общественного труда между разными частями народного хозяйства будут совершенно другие. А неодинаковый способ распределения совокупного общественного труда дает неодинаковый темп развития производительных сил».

В этой тираде все хорошо. Несколькими страницами выше закон трудовых затрат, в полном согласии с Бухариным, обладал неизменным содержанием: смене подлежала, как мы видели, лишь его форма. Теперь наш легкомысленный путешественник по стезям экономического царства пытается контрабандой впустить в окно природу, с большим шумом прогнанную через дверь. Оказывается, при переходе от капитализма к социализму, меняется не только форма закона трудовых затрат, как этого требует «ортодоксальная» бухаринская версия, но «и само содержание этого закона, другими словами, пропорции распределения общественного труда между разными частями народного хозяйства будут совершенно другие». Возникает, правда, несколько нескромный вопрос: что тогда остается от пресловутого «закона»? Меняется его форма, меняется, хотя и с опозданием на несколько страниц, и его содержание, вначале объявленное неизменным. Что же остается от закона трудовых затрат в таком случае? Если остается один лишь голый факт необходимости распределения общественного труда при любой общественной форме, то не слишком ли тощее «содержание» получает наш универсальный, всеобщий, вечный и неизменный «регулятор»? Как мы уже видели, этот вопрос является фатальным для всей концепции закона трудо-

вых затрат: он поочередно встает перед каждым ее адептом, и никто из них не в состоянии сказать по этому поводу что-либо членораздельное.

Вернемся, однако, к очередному открытию Кармалитова. Итак, сей теоретик утверждает, что главное различие, вытекающее из различных форм (и содержания, как он далее «разъясняет») закона трудовых затрат, заключается в различных темпах развития производительных сил. Необходимо оценить это открытие по достоинству. Мы до сих пор полагали, что главное отличие советской переходной экономики заключается в том, что она находится по пути развития к социализму; мы полагали далее, что возможность более быстрых темпов развития производительных сил, заложенная и реализуемая в советском хозяйстве, обусловлена и является следствием переходного к социализму, развивающегося в социалистическом направлении характера нашей хозяйственной системы. Теперь мы имеем открытие, что главное отличие советского хозяйства от капитализма заключается не в различии общественной формы, а в различии темпов развития производительных сил. Мы уже видели выше, что Кармалитов питает удивительное пристрастие — влечение, род недуга — к тому, чтобы действительное соотношение вещей неизменно ставить на голову. Этому принципу он остается верен и в данном случае. Следует, однако, заметить, что в своих сногшибательных открытиях сей автор проявляет вполне ясную и отчетливую тенденцию. В частности, прекрасно известно, какая тенденция скрывается за выпячиванием принципа развития производительных сил при забвении интересов развития социалистической общественной формы. Прекрасно известно, что идео-

логи капиталистических групп в нашей стране, буржуазные экономисты кондратьевского типа, а за ними плененные кулацкой идеологией наиболее махровые представители правого оппортунизма охотнее всего выставляют примат развития производительных сил. Они пытаются укрыть свои классовые вождедения за якобы внеклассовым лозунгом насчет того, что развитие производительных сил важнее развития социалистической общественной формы; отсюда они делают практический вывод о том, что интересы социалистического переустройства нашего хозяйства, социалистической трансформации общественных производственных отношений должны всегда подчиняться и отступать на второй план перед категорическим императивом развития производительных сил. Известно также, что наша партия, напротив, рассматривает развитие производительных сил не как самоцель, а как средство и условие социалистического преобразования хозяйства.

Во второй своей статье тот же автор «обогащает» концепцию закона трудовых затрат следующим образом. Нам вменяется в смертный грех следующая наша формулировка: «Сущность закона ценности в теоретической системе Маркса заключается как раз не в рыночной форме, а в рыночном стихийном содержании» («Очерки», стр. 262). Приведя эту цитату, автор пускается в рассуждения такого рода (мы совершенно оставляем в стороне его полемические «красоты», не заслуживающие никакого внимания.— А. Л.). «Другими словами, сущность закона стоимости как исторической категории (Маркс ведь рассматривал капиталистический строй) заключается не в форме, а в содержании». А т. Бухарин, исходя из анализа марксовой

теории стоимости, пишет: «В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат, — и только, ибо это значило бы отвлекаться от специфически-исторического значения и характера ценности. Но, с другой стороны, нельзя за общественно-исторической формой проглядывать материально-трудовое содержание этого закона. «Сущность» ценности как исторической категории в ее фетишистическом характере» (Бухарин, «К вопросу о закономерностях», стр. 35). Приведя эту цитату из Бухарина в качестве *ultima ratio*, Кармалитов победонсно заключает: «Следовательно, сущность марксова закона стоимости как исторической категории не в содержании, а в форме»¹.

Над всей этой историей стоит несколько призадуматься. Перед нами один из ярких образцов той путаницы, которую создает в головах наивных адептов механистическая концепция закона трудовых затрат. Итак, мы теперь знаем, что «сущность закона ценности... не в его содержании, а в форме».

Мы уже видели, что Кармалитов обладает удивительной способностью выбалтывать то, что другие скрывают. Так обстоит дело и в данном случае. Удивительный вывод Кармалитова является вполне естественным с точки зрения пропагандируемой ныне механистической концепции закона ценности, стремящейся во что бы то ни стало найти вечное, неизменное содержание этого исторического закона. Эта концепция склонна ссылать историческую характеристику закона ценности в область его формы, после того, как всякие исторические элементы тщательно изгнаны из содержания ценности. Вывод Кармалитова, если угодно, является

¹ „Большевик“, № 10 за 1928 г., дискуссионный отдел, стр. 74.

лишь последовательным доведением до конца физиологической трактовки абстрактного труда. Вместо марксистского подхода, по которому сущность предполагает известное единство формы и содержания, нам преподносится заявление, что сущность заключается не в содержании, а в форме.

В аналогичных случаях и скверных анекдотах говорится: невероятно, но факт! Действительно, перед нами достаточно тяжелый случай. Сущность-то, оказывается, не в содержании, а в форме! И как это никто до сих пор не догадался, не додумался до такой простой вещи! Это замечательное открытие отличается поразительной простотой. Смея ради следует заметить, что этот автор (как, впрочем, многие механисты) готов обучать всех несогласных с ним диалектике. Вот уж, поистине: спасайся, кто может!

Сущность чего-либо не в его содержании, а в форме. Таковы новые горизонты, открываемые перед марксистской диалектической методологией поборниками закона трудовых затрат. Над этим, повторяем, стоит призадуматься ¹. А пока займемся

¹ Еще одно замечание, прежде чем расстаться с Кармалитовым. В нашем ответе на его первую статью мы по поводу закона трудовых затрат сделали следующее замечание: «Спора нет, закон трудовых затрат — великое дело, тем более, что этот закон составляет единственное теоретическое оружие нашего критика». Не поняв довольно ясной иронии, заключающейся в этих словах, Кармалитов приводит это замечание в чрезвычайно важным видом заявляет: «Да, должен заявить, что это такое теоретическое оружие, которое опрокинуло капитализм, опрокинуло построения Преображенского и на все лопатки опрокидывает и наши построения». Насчет «обеих лопаток» предоставляем судить читателю. Каким образом, однако, закон трудовых затрат опрокидывает... капитализм? До сих пор думали, что капитализм опрокидывается пролетарской революцией, а наш автор предлагает заменить революцию... законом трудовых затрат. Вот что значит проявить усердие не по разуму!

другим автором, обещающим нам не меньшее количество веселых минут.

Мы имеем в виду т. К. Бутаева. В своих статьях, посвященных критике наших «Очерков», этот автор посвящает специальный параграф вопросу о судьбе категории ценности в переходном хозяйстве. Изложение своей точки зрения по этому вопросу автор начинает следующим заявлением: «Одно из двух: либо верно, что стоимость в социалистическом секторе отсутствует или отмирает — тогда нет никакой категории цены в этом секторе, никаких товарно-денежных категорий, никакой стоимостной формы вообще и, следовательно, никакой товарно-рыночной формы проявления производственных отношений; либо товарно-денежные категории в социалистическом секторе имеют место — и тогда тут имеет место и стоимость как общественная форма труда в этом секторе. Третьего положения тут не может и не должно быть ¹.

Это рассуждение как-будто написано специально для школьной хрестоматии и в качестве классического образца применения формальной логики в отличие от логики диалектической и в противовес ей. В самом деле, диалектика учит нас брать процессы в их развитии и постоянных переходах, рассматривать явления в их становлении и уничтожении, а наш автор безапелляционно заявляет: либо ценность отмирает, и тогда ее духа не должно быть, либо имеются следы категории ценности, и тогда она пребывает в полном здравии и ни о каком ее отмирании не может быть и речи. Невольно вспоминается, как Плеханов издевался

¹ См. „Большевик“ № 9 за 1928 г., дискуссионный отдел, стр. 63 и след.

над подобными формально-логическими рассуждениями, построенными по принципу: либо — либо, да — да, нет — нет. Дialeктика, — учил Плеханов, — во многих случаях, когда речь идет о переходе, о становлении и уничтожении, отвечает иначе; она говорит: и да, и нет; ни да, ни нет. До всего этого Бутаеву, разумеется, дела нет. «Третьего положения, — заявляет он безапелляционно, — тут не может и не должно быть». Мы бы сказали, что он дает здесь классический образец применения опровергнутого диалектикой формально-логического закона исключенного третьего, если бы не были заранее уверены, что он решительно ничего об этом законе не слышал. Как бы то ни было, мы вынуждены огорчить нашего автора и решительно стать на защиту «третьего», т. е. диалектического «положения». Таким образом, когда Бутаев торжественно провозглашает: одно из двух, то читатель вынужден выбрать именно третье.

Забавнее всего, однако, что и сам Бутаев, желая достичь «одного из двух», в свою очередь вынужден сконструировать нечто «третье». Это своеобразное «третье» заключается в том, что Бутаев пытается расщепить категорию ценности на две самостоятельные и независимые друг от друга категории: 1) ценность как общественная форма труда и 2) ценность как регулятор. Автор этой новеллы со свойственной ему скромностью замечает: «Это кажется парадоксальным и противоречивым утверждением». В другом месте он предвидит, что «некоторые» ему скажут: «что за ересь?» Дадим, однако, слово самому автору, чтобы читатель мог по достоинству оценить его «парадоксы» и «ереси».

«Стоимость является определенной общественной формой выражения и учета труда и как таковая, она в анархической системе товарного хозяйства является и стихийным регулятором», — пишет Бутаев. Ставя вопрос о судьбе категории ценности применительно к обобществленному сектору переходного хозяйства, он продолжает: «Если речь идет об отмирании или об отсутствии стоимости в социалистическом секторе, то она и идет и может идти (!) только об отмирании или отсутствии стоимости как регулятора хозяйства в социалистическом секторе, но не о стоимости как «мере общественно-необходимого труда, заключающегося в товаре», не об «определенном способе выражать труд, потраченный на производство вещи». Вопрос заключается не в отмирании стоимости как учетной формы труда, как «меры труда», — поясняет Бутаев, — а в отмирании закона стоимости как регулятора». Памятуя, очевидно, что повторение — мать учения, автор повторяет эту богатую идею много раз на протяжении нескольких страниц. «Раз цены остаются в обобществленном секторе, — пишет он, — то тем самым остается и стоимость как общественная форма выражения трудовых затрат. Но регулирование обобществленного сектора тем не менее не совершается механизмом закона стоимости». В другом месте он без малейшего основания пытается приписать сделанное им открытие другим автором, в том числе и нам: «А это есть не что иное, как отмирание закона стоимости как регулятора и сохранение стоимости только как общественной формы труда», — заявляет он самоуверенно, приведя нашу формулировку насчет «лиywania закона ценности» и «выветривания сти-

хийно-ценностного содержания товарной формы». Далее он делает утешительное сообщение, что вплоть до «полного социализма» «стоимость остается формой выражения и учета затрат труда на товары (!) в переходном хозяйстве. Однако эта форма является не только стихийной формой и только (!), она является сознательно-регулируемой формой выражения труда». Далее мы читаем: «Закон стоимости как регулятор отсутствует в социалистическом секторе. Его место замещает сознательно-плановое регулирование. Но сознательно-плановое регулирование не уничтожает стоимости как «меры и учетной формы» труда, но пользуется ею как исторически-привычной и исторически-выработанной общественной формой меры и учета труда» (стр. 66).

Мы исчерпали до самого дна кладезь идей, разбитых Бутаевым. Читатель видит, что все это «оригинальное» и по мнению самого автора «парадоксальное» построение базируется на чрезвычайно элементарной ошибке, на механическом разрыве категории ценности, на механическом противопоставлении двух выражений, являющихся в сущности не чем иным, как различными определениями одного и того же отношения действительности. В самом деле, *idée fixe* автора заключается в том, что он различает, противопоставляет и далее расчленяет, разрывает категорию ценности на: 1) ценность как регулятор производства и 2) ценность как общественная форма выражения труда. Автор не задается вопросом: может ли ценность служить, скажем, регулятором производства, не будучи общественной формой труда? Полнейшая абсурдность такого предположения показала бы сразу, что нельзя ни в коем случае про-

тивопоставлять понятие регулятора производства представлению об общественной форме труда, ибо это не два самостоятельных явления действительности, а лишь две различные формулировки одного и того же явления. С другой стороны, когда мы говорим об общественной форме выражения труда, то совершенно ясно, что здесь имеется в виду отнюдь не технически-счетная сторона дела, а социальная функция, социальное содержание категории ценности. Ценность как общественная форма труда необходимо включает в себе элемент регулирования, роль ценности как регулятора производства. Если отбросить эту роль — ценность как общественная форма выражения труда теряет всякий смысл.

Мы видим, что камнем преткновения для Бутаева оказался тот же вопрос о содержании и форме ценности, который является поистине роковым для всех сторонников механистического «сведения» исторической категории ценности к тем или иным всеобщим, универсальным и неизменным законам. В частности, бутаевские открытия являются в известном смысле прямым продолжением достижений ума Кармалитова. Выше мы уже видели, как этот автор счастливо нашел «сущность» ценности **не** в ее содержании, **а** в форме. Идя по его стопам, Бутаев предлагает для обобществленного сектора нашего хозяйства выбросить роль ценности как регулятора, но сохранить ее значение как общественной формы выражения труда. Оставляя совершенно в стороне абсолютно недопустимый подход Бутаева к анализу переходной экономики заключающийся в изолированном рассмотрении обобществленного сектора, выступающего не как неразрывная часть единой

системы, а как самостоятельное целое, мы хотим еще на другом примере показать, куда приводит того же автора некритическое восприятие закона трудовых затрат.

В тезисах своего публичного доклада в Институте красной профессуры на тему о «предмете и методе теории переходного хозяйства» Бутаев, излагая закон трудовых затрат, пришел к следующему любопытному выводу: «Совокупный общественный труд должен быть распределен в определенных пропорциях по различным отраслям соответственно различным потребностям общества. Этот закон пропорционального распределения общественного труда не может быть уничтожен формой общественного производства. Изменяется только его форма проявления — в зависимости от исторических условий способа производства, от формы организации производства. Формами проявления действия этого закона является закон стоимости (простое товарное хозяйство), закон цены производства (промышленный капитализм), монополия цена (монополистический капитализм), план (социализм). Сознательная плановая форма проявления этого закона возможна при наличии субъекта хозяйства и общественной собственности на средства производства (на общественный труд). Поскольку в переходном хозяйстве не все средства производства находятся в общественной собственности, постольку план не может быть единственной, все собой заполняющей, формой проявления этого закона. Именно потому, что этой общественной собственности еще нет, а следовательно, нет еще полного сознательного кон

троля общества над своим рабочим временем, именно поэтому формой выражения и учета труда вообще остается еще стоимость» (подчеркнуто нами.— А. Л.).

На этой тираде стоит несколько остановиться. Прежде всего, непревзойденной является периодизация различных форм проявления нашего вечного «закона». Здесь мы узнаем пикантную новость о том, что закон ценности служит формой проявления пресловутого закона трудовых затрат только в простом товарном хозяйстве, сменяясь при промышленном капитализме законом цены производства, при монополистическом капитализме — монопольной ценой и при социализме — планом. В этой замечательной схеме дело представлено таким образом, как будто цена производства и монопольная цена имеют к закону ценности точно такое же отношение, как и план. То «небольшое» различие, что и цена производства и монопольная цена с точки зрения марксизма представляют собою не более как модификации ценности, в то время, как социалистический план качественно, принципиально противоположен ценностной стихии — у автора совершенно исчезает. Как известно, этакая разбивка исторического пути развития капитализма на три участка с тремя самостоятельными и независимыми регуляторами очень в ходу у экономистов-механистов, шествующих в этом отношении по стопам А. А. Богданова. Концепция закона трудовых затрат, рассматриваемого, как неизменный закон, меняющий лишь свою форму проявления, чрезвычайно удобна для такой периодизации «регуляторов». Надо ли добавлять, что подобные представления могут быть прекрасно примирены с буржуазными теориями

издержек производства и монопольных цен, но решительно ничего общего не имеют с марксизмом?

Последуем, однако, за нашим автором дальше. В чрезвычайно сбивчивой форме автор старается выразить ту мысль, что поскольку в переходном хозяйстве полного социализма еще нет, то «формой выражения и учета труда вообще остается еще стоимость». Это положение прежде всего вопиюще непоследовательно с точки зрения той замечательной периодизации форм действия закона трудовых затрат, которая трактуется несколькими строками выше. В самом деле, каким образом в хозяйственную систему, переходную к социализму, может попасть закон ценности, непосредственно перед тем сосланный на поселение в область простого товарного хозяйства. Непосредственно перед социализмом у Бутаева расположена монопольная цена; она и должна, повидимому, сохраниться в переходном хозяйстве. Это показалось, однако, чересчур оригинальным и «парадоксальным» даже нашему любителю парадоксов. Оставим, однако, в стороне эту подробность, отнюдь не лишенную интереса. Обратим внимание на то, как данное рассуждение побивает искусственную конструкцию, которую тот же автор пытался развить в своей статье. В самом деле, там все дело сводилось к отделению общественной формы выражения и учета труда от роли ценности как регулятора, т. е., иными словами, как формы проявления знаменитого закона трудовых затрат. Мы уже указывали, что эта попытка неизбежно должна окончиться крахом вследствие своей надуманности и искусственности. Теперь мы видим этот крах воочию. Автор ставит вопрос о различных формах проявления закона трудовых затрат.

т. е., иными словами, о различных способах достижения пропорциональности в общественном воспроизводственном процессе, т. е. опять-таки, иными словами — о регуляторах. И приходит он к выводу, что в советском хозяйстве «формой выражения и учета труда вообще остается еще стоимость» Автор, таким образом, сам расписывается в полной несостоятельности своей попытки отрыва ценности как формы выражения и учета труда от ценности как регулятора, или, выражаясь языком сторонников закона трудовых затрат, от ценности как исторической формы этого вечного закона. Что же касается содержания этого вывода Бутаева, то оно фактически означает не более не менее, как выраженное в сбивчивой форме признание торжества закона ценности в советском хозяйстве «вообще». Разбирать этот вывод по существу нет никакой надобности. Все то, что писалось против сторонников действия закона ценности в советском хозяйстве, целиком и полностью относится и к данной, чуть-чуть прикрытой формулировке, той же по существу концепции. Чрезвычайно характерно, — и это должно быть в данной связи подчеркнуто со всей силой, — что именно, исходя из закона трудовых затрат, Бутаев приходит к фактической капитуляции перед сторонниками действия закона ценности в советском хозяйстве. Это обстоятельство показывает лишний раз, каким образом точка зрения вечного и универсального закона пропорциональности трудовых затрат, несмотря на словесное отличие от богдановской трактовки ценности, в качестве вечной логической категории хозяйства, по существу приводит именно к этой трактовке.

К р и т и ч е с к и отнестись к закону трудовых затрат попытался М. Брудный в своей статье, помещенной в дискуссионном отделе «Большевика», № 11 за 1928 г. Эта попытка должна быть, однако, признана совершенно не удавшейся. Совершенно оставляя в стороне другие вопросы, которые автор затрагивает в упомянутой статье, остановимся лишь на тех его рассуждениях, которые непосредственно относятся к закону трудовых затрат.

Приведя известную цитату из Бухарина, где говорится о «процессе сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья» при переходе к социализму, Брудный замечает: «Как ни привлекательно бывает сбросить «греховное белье» с общественных отношений, однако, как нам кажется, процессом раздевания, «дефетишизации» основного общественного регулятора» здесь нельзя ограничиться. В самом деле, можно ли сказать, что закон пропорционального распределения трудовых затрат является о б щ е с т в е н н ы м регулятором какого бы то ни было общественного строя? Нет, нельзя сказать. Почему? Потому что закон пропорционального распределения трудовых затрат — это естественная необходимость. Маркс говорит, что это закон природы, и «законы природы вообще не могут быть уничтожены». Может быть закон природы о б щ е с т в е н н ы м регулятором? Разумеется, нет. Что же является о б щ е с т в е н н ы м регулятором? Тот с п е ц и ф и ч е с к и й общественный способ, помощью которого достигается это пропорциональное распределение труда. Закон стоимости это не закон пропорционального распределения труда, как естественная необходимость, одетая в «греховное

белье» фетишизма, а специфический для товарного хозяйства способ достижения этой пропорциональности, притом такой способ, который проникнут фетишизацией общественных отношений. Закон стоимости, как и всякий другой общественный регулятор, при любом другом общественном строе базируется на вечном законе природы, на естественной необходимости пропорционального распределения труда».

В этом рассуждении, при всей его поверхностности, неполноте и отчасти сбивчивости, как будто отмечается недопустимость того методологического приема, на котором собственно построена концепция закона трудовых затрат. Этот методологический прием заключается, как мы выше видели, в том, что общественные отношения товаропроизводящего общества рассматриваются лишь как «греховное белье», надетое на неизменное материальное содержание некоего «закона природы». Основные грехи механистической методологии — забвение специфичности, смазывание качества, недialeктическое представление о взаимоотношении между формой и содержанием, одностороннее «сведение» более высоких форм движения к более простым — составляют базу разбираемой нами теории. На первый взгляд могло бы показаться, что критические замечания Брудного как будто нащупывают, хотя и в недостаточно отчетливой форме, некоторые стороны этой ошибочной методологии. Однако такое предположение было бы преждевременным, ибо непосредственно вслед за тем автор проделывает сальто-мортале, которому позавидовал бы любой заправский эквилибрист.

На следующей же странице мы читаем следующие откровения: «Определяя ближе содержание

планового регулятора социалистического хозяйства, можно сказать, что этим регулятором будет закон эквивалентности трудовых затрат и натуральной компенсации за них, закон, осуществляемый плановым, сознательным образом. По своему материальному содержанию этот закон совпадает с материальным содержанием товарно-капиталистического закона стоимости. Еще более со стороны своего материального содержания закон стоимости полностью начинает осуществляться только в социалистическом хозяйстве». Автор чувствует, что тут у него получается не совсем кругло, поэтому он видит себя вынужденным сделать следующее оборонительное и в то же время страхующее замечание: «Отсюда, конечно, кое-кто может сделать сверхнаучный вывод о том, что закон стоимости имеет надисторический характер. Но, думается, всякий может понять, что закон эквивалентности трудовых затрат и материальной компенсации за них — нечто совсем другое по своему историческому типу, по своему общественному способу осуществления, чем закон стоимости».

Таким образом, автор питает приятную надежду, что не только в переходном, но и в социалистическом хозяйстве регулятором будет являться закон эквивалентности трудовых затрат. Выше мы уже видели, что сей закон представляет собой первое, поистине ублюдочное, издание разбираемой нами концепции насчет закона пропорциональности трудовых затрат. В этом издании, знакомом нам по разбору статьи тов. Берина, все дефекты, вся натянутость и весь политический вред разбираемой концепции выступают в утврoдoвaннoм виде. Всем известно, чьим лозунгом является в нашей обстановке

требование так называемого эквивалентного обмена. Закон трудовых затрат в его вульгарном издании закона эквивалентности подводит теоретический фундамент под это требование. В самом деле,—могут рассуждать сторонники эквивалентного обмена в современной обстановке,—если закон эквивалентности будет действовать даже при социализме, то тем паче он «годится» для переходного хозяйства. Выше мы уже видели, что подобного рода рассуждения в чуть-чуть прикрытой форме встречаются в настоящее время со стороны идеологов правого оппортунистического уклона.

Далее, приведенное нами рассуждение т. Брудного насчет господства закона эквивалентности при социализме свидетельствует о том, что автор совершенно не уяснил себе вопроса об ошибочности исходных положений пресловутой теории закона трудовых затрат. Выражаясь несколько вульгарно, у него получается: «не вмер Данила, та болячка задавила». В самом деле, в своем критическом замечании по поводу бухаринского закона трудовых затрат он отметил, что процессом разделения, дефетишизации основного общественного регулятора ограничиваться нельзя. А через страницу оказывается, что «по своему материальному содержанию этот закон¹ совпадает с материальным содержанием товарно-капиталистического закона стоимости». Иными словами, автор здесь полностью стоит на базе того же самого механистического представления насчет формы и содержания, которое как нельзя более характерно для всей концепции закона трудовых затрат. В самом

¹ Закон эквивалентности трудовых затрат социалистического хозяйства.

деле, материальное содержание оказывается чем-то абсолютно оторванным, самостоятельным и равнодушным к своей форме. Форма сменяется: рыночная стихийная форма общественного регулятора заменяется плановой, организованной. Тем не менее, материальное содержание основного общественного регулятора, что называется, в нас не дует: оно остается неизменным. Но ведь именно такова центральная мысль всей теории закона трудовых затрат. Эту центральную мысль Брудный не только разделяет, но и «углубляет», доводя ее до возрождения беринского абсурда о вечности закона эквивалентности. Таким образом, ясно, что его критическое замечание по поводу бухаринской концепции носит чисто формальный характер, нисколько не свидетельствуя о его понимании ошибочности бухаринской концепции по существу.

Дальнейшее «углубление» бухаринской концепции со стороны Брудного идет по следующей линии: «Еще более со стороны своего материального содержания — пишет Брудный не вполне грамотно, но зато весьма уверенно, — закон стоимости начинается осуществляться только в социалистическом хозяйстве». Старые, давно знакомые мотивы в духе Кажанова и Каутского¹. Что-то, видимо, есть роковое в судьбе всех писателей насчет закона трудовых затрат. В этой связи совершенно забавное впечатление производит оговорка Брудного насчет «сверхнаучного вывода о том, что закон стоимости имеет надисторический характер». Этот вывод, однако, ни с какой стороны не является «сверхнаучным»: напротив того, это — вполне логический

¹ О Каутском см. А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. Очерки переходной экономики, Л., 1927, стр. 144 и след.

вывод из ненаучного и антинаучного понимания закона ценности, обнаруживаемого Брудным.

Любопытно отметить, что свое запоздалое открытие вечного закона эквивалентности Брудный, подобно Берину и Кажанову, пытается подкрепить при помощи той же самой цитаты из ленинского «Государства и революции». Эту цитату Брудный понимает и истолковывает, разумеется, так же ошибочно, как разобранные нами выше Берин и Кажанов. Надо ли добавлять, что автор, столь счастливо сочетающий в своей голове взаимно-исключающие представления о разбираемом предмете, обильно бросает другим экономистам обвинения в путанице и излагает свои, более чем скудные, соображения с видом пророка, несущего новое откровение миру. Впрочем, это обстоятельство вряд ли кого введет в заблуждение насчет «истинной цены» предлагаемого товара...

Итак, Брудный на словах отвергает закон трудовых затрат с тем, чтобы полностью капитулировать перед ним на деле. Перейдем сейчас к авторам, пытающимся — и не совсем безуспешно — сделать ошибку обратного порядка. Речь идет о статье тт. Дукора и Капитонова, помещенной в дискуссионном отделе «Большевика», № 13—14 за 1929 г. под названием: «О регуляторах» и «кризисах» в советском хозяйстве». Эта статья представляет собою ответ на статью тт. Ловцова и Гричика, помещенную там же под названием: «К вопросу о регуляторах советской экономики и нарушениях равновесия общественного производства». В обеих названных статьях разбирается и задается уйма различных вопросов. Само собою разумеется, что мы в данной связи вынуждены совершенно оставить в стороне эти проблемы. От-

метим лишь, что в статье Ловцова и Гричика целый ряд серьезнейших проблем, относящихся прежде всего к «нарушениям равновесия» в советском хозяйстве, поставлен и разрешен в корне не правильно. Нет сомнений, что неправильный подход к разрешению столь кардинальных проблем таит в себе и политическую опасность.

Повторяем, мы здесь не собираемся разбирать все те серьезные и сложные проблемы, которые поставлены в обеих статьях. Повторяем еще раз, во избежание всех и всяческих «недоразумений» стихийного или «сознательного» рода, что в основном эти вопросы правильно ставятся в ответной статье, в то время как в статье Ловцова и Гричика им дается неправильное разрешение. Тем не менее мы считаем, что та часть ответной статьи, в которой авторы затрагивают закон трудовых затрат, заслуживает критического рассмотрения.

Авторы ответной статьи, возражая против критики закона трудовых затрат со стороны Ловцова и Гричика, пишут: «Закон трудовых затрат», или вернее, закон пропорционального распределения общественного труда, сформулирован Марксом как объективная необходимость, обязательное условие существования всякого человеческого общества. Поскольку существование человеческого общества базируется на производстве различного рода материальных благ, постольку разделение общественного труда между отдельными отраслями и видами производства в определенных количественных пропорциях является всеобщим обязательным законом для всякого человеческого общества вне зависимости от исторической формы общественных отношений».

В этой цитате, как, без сомнения, заметил читатель, знакомая нам концепция закона трудовых затрат изложена в ее, так сказать, классической и в то же время весьма тривиальной форме. Мы не станем поэтому повторять в данной связи той критики, которую читатель встречал на предыдущих страницах нашей работы. Совершенно ясно, что основные моменты этой критики целиком и полностью применимы к приведенной статье.

Далее авторы продолжают: «Эта закономерность и является тем общим, что объединяет переходную экономику с капитализмом, равно как и социалистическим обществом». Эта формулировка должна быть признана по меньшей мере чрезвычайно неудачной. Впрочем, здесь лишь повторяется мысль, встречавшаяся нам неоднократно при анализе взглядов ряда сторонников пресловутого закона. Мы не станем здесь пространно повторять то, что уже изложено нами выше. Напомним лишь, что при отыскании специфических закономерностей переходной экономики, следует делать упор не на то, что будто бы об'единяет переходное хозяйство как с капитализмом, так и с социализмом, а, напротив того, центр внимания нужно сосредоточить на том, что отличает переходное хозяйство от того и от другого. Выше мы уже видели, что именно таково основное требование материалистической диалектики, основное требование марксистско-ленинской научной методологии. Диалектика не терпит механического «сведения» качественно-определенных явлений к серой бескачественной абстракции, «об'единяющей» все на свете. Диалектика берет предмет во всей его конкретности, во всех его связях и опосредствованиях. Диалектика подчеркивает специфичность каждой определенной

формы движения. Диалектика не допускает того, чтобы качественную определенность конкретной действительности смазать, утопив ее в общих «закономерностях», пригодных для всех времен и всех народов, «объединяющих» капитализм с социализмом, а переходную экономику с тем и другим поочередно.

Авторы продолжают: «Различие начинается в специфической форме осуществления этого закона, свойственной каждой особой исторической формации»... Следует признать, что и эта формулировка страдает чрезвычайной неясностью, хотя и представляет собою некоторый шаг вперед по сравнению с предыдущими. Здесь прежде всего неясно, что собственно «свойственно каждой особой исторической формации». С одной стороны, очевидно, каждой особой формации свойственна специфическая форма осуществления пресловутого закона; но, с другой стороны, каждой особой формации свойственен и самый этот неизменный «всеобщий обязательный закон», который оказывается таким образом присущим всем и всяческим общественным формациям. Совершенно очевидно, что действительно различные исторические формации имеют определенные черты сходства (некоторые общие определения), которые общи им всем, которые их «объединяют»; но в то же время различные исторические формации обладают чертами различия и отличия, специфическими характеристиками, которые отличают, отделяют одну формацию от другой и от остальных вообще. Возникает, однако, вопрос: можно ли в процессе познания «особой исторической формации» оторвать общие определения от ее специфических черт отличия? Мы уже видели, что

марксистская диалектика отвечает на этот вопрос отрицательно. Диалектика нас учит, что общие моменты не существуют и не могут существовать в не-особенных, специфических черт. Постановка вопроса у наших авторов не отличается четкостью на этот счет. Однако, повторяем, последняя формулировка представляет собою шаг вперед по сравнению с предыдущим прямым утверждением насчет «общей закономерности», будто бы «объединяющей» переходную экономику как с капитализмом, так и с социализмом.

Сбивчивость этой формулировки объясняется тем, что она служит для наших авторов своеобразным мостом, своего рода переходной ступенью от неправильной постановки вопроса о законе трудовых затрат к правильному утверждению следующего рода (эти строки у авторов выделены силовым курсивом): «историческая форма осуществления пропорциональности распределения общественного труда неизбежно трансформирует как самое природу этой пропорциональности, так и конкретное количественное ее выражение».

Это положение, конечно, совершенно правильно. Нетрудно, однако, заметить, что его никак нельзя примирить со «всеобщим обязательным законом», о котором авторы толковали десятком строк выше. В самом деле, если меняется как самая природа пропорциональности, так и ее количественное выражение, то что же остается неизменным и общим законом для различных исторических формаций? Остается лишь самый факт необходимости распределения общественного труда; этот факт, однако, как мы видели выше, составляет чересчур тощее содержание для «всеобщего обязательного закона».

Своим последним правильным утверждением, выделенным к тому же при помощи курсива, авторы обезвреживают политическое жало теории закона трудовых затрат. Это совершенно естественно, так как разбираемая статья появилась летом 1929 года, когда политический вред этой теории был уже совершенно ясен. Однако, поскольку авторы не решаются прямо и решительно отвергнуть все теоретическое построение насчет вечного обязательного закона, их рассуждения грешат половинчатостью и внутренней противоречивостью. Устранение политически-вредной стороны концепции без полного отказа от этой теории в целом, неизбежно приводит к логической непоследовательности.

**
*

В нашем кратком обзоре литературных выступлений, посвященных закону трудовых затрат или в той или иной мере затрагивающих эту концепцию, мы далеко не исчерпали, как принято говорить в подобных случаях, всего богатства материала, имеющегося в нашей экономической литературе последних лет. Да это и не входило в наши задачи. В качестве объектов критического разбора мы выбрали лишь наиболее типические случаи. Другие случаи, оставленные нами в стороне, могут быть сведены к разобранным нами основным вариантам данной концепции.

Теория закона трудовых затрат была в течение нескольких лет чрезвычайно распространена в нашей экономической литературе; можно было бы, пожалуй, сказать, что она в известном смысле господствовала. Нет сомнения, что теперь, когда явственно обнаруживаются вредные политические

последствия, логически вытекающие из этой теории, дело ее разоблачения пойдет быстро и дружно. Нет сомнения, что большинство защищавших ее в той или иной мере авторов при более критическом подходе откажется от нее. В этом нет ничего предосудительного. Лишь тот не ошибается, кто ничего не делает. Прав, следовательно, не тот, кто никогда не ошибается, а тот, кто во время исправляет свои ошибки. Однако тот урок, который следует извлечь из истории теории трудовых затрат, заключается в следующем. Лишь марксистски-ленинская диалектика может служить путеводной нитью при анализе советской хозяйственной системы. Малейшее отклонение от диалектики в сторону эклектизма или механистического метода грозит самыми печальными последствиями.

Мы уже видели выше что именно Богданов является первоучителем, основоположником, родоначальником пресловутой теории закона трудовых затрат. Это обстоятельство лишний раз показывает, насколько актуальное политическое значение имеет в настоящее время решительная борьба против богдановщины во всех ее видах и разновидностях.

МОСКОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСИЗДАТА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Москва, Кузнецкий Мост, 7. Телефон 5-20-57.

Серия „ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ“

РУБИН, И. И.

ФРАНСУА КЕНЭ Основатель физиократи-
ческой теории.

Стр. 144. Ц. 75 к.

Содержание. Народное хозяйство Франции в середине XVIII в. Жизнь Кенэ. Физиократы и их экономическая программа. Учение Кенэ о чистом продукте. Проблемы общественного воспроизводства в „Экономической таблице“ Кенэ. Физиократы как представители сельской буржуазии.

МАРКОВ, И. Г.

Ж.-Б. СЭЙ его жизнь, деятельность
и учение.

Стр. 189. Ц. 75 к.

Содержание. Экономическое положение Франции конца XVIII в и начала XIX в., породившее учение Сэя. Биография Сэя. Основные принципы учения Сэя в сравнении с учениями Адама Смита, Рикардо и Маркса. Критика учения Сэя с марксистской точки зрения.

ТОПЕР, С.

ВИЛЬЯМ ПЕТТИ.

Стр. 222. Ц. 75 к.

Содержание. Предисловие И. Рубина. Жизнь и экономическое учение Петти. Отзывы Маркса о Петти. Указатель литературы. Около половины книги занимает очерк эволюции хозяйственного и политического строя Англии в XVI—XVII в. в.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ КОП.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

в Торговый Сектор Госиздата, Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4; в Моск. Обл. Отделение Госиздата „Московский Рабочий“ Москва, Кузнецкий Мост, 7 и во все магазины и отделен. Госиздата